

Мегамир

Юрий НИКИТИН
Владыки Мегамира

«ЭКСМО»

2000

Никитин Ю. А.

Владыки Мегамира / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2000 — (Мегамир)

Великое открытие, позволившее уменьшить человека до размеров насекомого, открыло перед людьми дорогу в новый мир, полный новых возможностей и опасностей. Первопроходцы назвали его Мегамиром и принялись изучать и осваивать. Как и в обычной жизни, новое общество быстро раскололось на множество враждующих группировок. Но угроза, нависшая над всем Мегамиром, заставила вчерашних противников объединиться...

© Никитин Ю. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	39
ГЛАВА 9	44
ГЛАВА 10	49
ГЛАВА 11	54
ГЛАВА 12	59
ГЛАВА 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юрий НИКИТИН ВЛАДЫКИ МЕГАМИРА

ГЛАВА 1

Зеленая стена окружала его со всех сторон. Даже не стена, а широкий зеленый цилиндр, в котором он несся со скоростью летящей цезы и который передвигался вместе с ним. Зеленая стена колыхалась и клубилась неопрытными комьями и сгустками тумана. В этом бесконечном Тумане мелькали большие и малые звери, множество сидело и ползало на листьях: одни их жрали, другие ели самих листоедов, третьи ели этих едоков, но такое же великое множество носилось в воздухе, ползало и бегало по стволам деревьев, копошилось под ногами в трухе, под старыми листьями, а нередко когтистые лапы дима пробегали по чьим-то спинам.

Влад видел их всех, но в этом зрении очертания мира искажались при любом движении воздуха, смазывались вовсе при ветре. Он с завистью вспомнил молодого Костина, который на зависть всем видел картины мира, отстоящего за много дней пути. А когда туда добирались охотники, они подтверждали, что все точно так, как тот описал.

Головастик, самый умный из димов, несся неумоимо, шесть когтистых лап звонко стучали по камням. Плотный черно-красный панцирь блестел, разбрасывая блики.

Влад сидел на голове дима между сяжками. Нижние колена суставчатых антенн дима слегка высывались, словно вбитые в плотную кутикулу толстые кольца. Конечно, они поворачиваются на шарнирах, как остальные, которые выше изгибаются в каждом коленце, зато каждое сочленение подогнано настолько плотно, что у дима драгоценная вода почти не теряется – здесь он впереди Влада.

Вплотную с Владом пристроился Хоша. Все шесть лап прочно уцепились за гладкую броню дима. Хоша размером едва ли с голову Влада, но старался во всем походить на хозяина: сидел так же неподвижно, надменно смотрел вдаль, как подобает неустрашимому сыну вождя.

В этой части Леса теснились странно толстые деревья. Земля мелькала под лапами дима красная, тоже непривычная, чересчур прокаленная солнцем. В немыслимой высоте среди зелени внезапно возникали пятна голубого. Влад уже знал, что небо бывает и таким, в отличие от привычно темно-зеленого.

В плотном воздухе они часто проносились через стаи плавающих бактов. Самые крупные – с кулак, сами бросались навстречу, раскрывая хищные пасти. Влад даже не отмахивался, его прочную кожу можно просечь разве что остро отточенной стрелой – обязательно тяжелой, как дротик.

Когда дим мчался уж очень стремительно, бакты не успевали увертываться, Влад ощущал частые, едва заметные толчки. Этих безмозглых существ разбрасывало в стороны, некоторые попадали в густую тень, где их жизни вскоре обрывались.

В какой-то момент нещадный жар обрушился с такой мощью, что Влад на миг пригнулся. Это значило, что дим с разбега выскочил на залитую прямыми лучами солнца площадку. Сердце застучало чаще, кровь понеслась бурно, тело разогрелось. Влад ощутил прилив дикого восторга: заорать бы, побороться с могучим димом, хотя тот крупнее в десять раз, а сильнее – в сотни...

Так же с разбега дим нырнул в густую, как темная вода, тень. Солнечные лучи исчезли, Влад немедленно опустил плечи, тут же рассудительно подумал, что не в силах правда. Зато в тени приходят мудрые мысли.

В зеленом небе раздался пронзительный свист. Влад вздрогнул всем телом, руки сами сдернули арбалет. Дим моментально остановился, а Хоша грозно заскрипел мандибулами. Влад упал навзничь, держась только ногами, в спину кольнули острые шипики на стыках плит головной брони дима, глаза лихорадочно обшаривали зеленые пятна в небе.

Взгляд упирался в стену Тумана, что окружал со всех сторон. Слева и справа – зеленый, впереди с коричневым пятном, что может означать стену мегадерева, сзади – серое, там остался

трухлявый пенё, уже чернеющий, с отвалившейся корой. Сверху тоже зелень, даже без просветов голубизны!

Дрожь прокатывалась по телу. Он чувствовал, как скрипит кожа от частого дыхания. Сердце колотится бешено, а от скачущих мыслей голова раскалилась, как орех под прямыми лучами солнца. Впервые в жизни странность застала его так внезапно. Он видел на сотни шагов, слышал по вибрации почвы на тысячи, по запахам составлял картины за сотни тысяч метров, знал великое множество зверей: бегающих, ползающих, летающих и роющихся, знал и помнил все их песни, крики, вопли ярости или победы, отличал одну от другой свадебные песни трех тысяч самых разных зверей... но в этом странном свисте не было жизни вовсе!

Головастик, повинуясь едва заметному толчку, ринулся за удаляющимся звуком. Свист стал невыносимо острым, за деревьями раздался сочный хруст, глухой удар, треск. Влад вжался в панцирь дима, постучал, заставляя могучего зверя мчаться во всю мочь. Они неслись в мертвой тишине. Через две-три минуты безмолвия воздух снова задрожит от жужжания, цвириноканья, писка, ваваканья, а кто посмышленнее уже сейчас бегут к месту падения незнакомца. Кого-то могло придавить, выпугнуть, разворотить нору с яйцами...

Головастик выметнулся на широкую поляну. По ту сторону истекали соком грубо срезанные стволы деревьев. В перебитых трубочках, плотно уставленных внутри стволов, сейчас медленно поднималась из глубин земли холодная вода, преобразовывалась в густой сок и переливалась через края вязкими сладкими потеками. Самые расторопные из панцирников карабкались к изломам, жадно припадали мандибулами к сладкому, увязали. Кто-то сразу прилип, но пил, раздувался, тяжелел, пренебрегая близкой гибелью.

Деревья, как сразу определил Влад, срезало наискось. На последнем, почти касаясь земли, завис странный галл! Таким он показался Владу: гладкий металлический галл. Сердце едва не выпрыгивало. Он сам дрожал, впервые не в состоянии сказать слова. В черепе хаотично метались образы, складываясь в слова: металл, непроницаем для света, прочнее любой кутикулы...

Едва дим поравнялся со странным галлом, Влад в доли секунды сделал в воздухе тройное сальто, очень точно опустился в намеченное место... но неловко – пальцы мазнули по гладкой поверхности.

Упал плашмя, раскинул руки и ноги, удержался. Внутри галла слышались шорохи, стук. Внезапно лязгнуло. Влад отшатнулся: прямо перед ним возникла ровная трещина. Края пошли в стороны, задержались на миг, из глубин галла донесся глухой рев, трещина пошла расширяться быстрее. Он отпрыгнул, ноги распрямились с такой силой, что пролетел по воздуху метров десять. Испуганные зеленчики посыпались с мясистого зеленого ковра, когда он рухнул на самый кончик их пастбища. Лист слегка качнуло, но Влад не шелохнулся, его руки крепко стискивали ложе арбалета, а глаза не отрывали взгляда от загадочной трещины.

Края лязгнули и застыли. В галле образовался квадратный вход. Изнутри донесся стон. Ноздри Влада затрепетали: явно чувствуется запах свежей крови, раздавленных внутренностей, перебитых костей!

Он скакнул обратно на этот загадочный галл, с трудом выдерживая в полете необходимую позу бойца. Палец все время лежал на спусковом крючке. Он упал на край трещины, крепкими ногтями левой ноги ухватился за твердый горячий металл. Стон слышался громче. Влад потянул ноздрями, запахи нарисовали четверых: один мертв, а другие забрызганы кровью. Но было еще что-то странное...

Края трещины еще раз попытались отодвинуться друг от друга, заскрипели как старые жвалы, вдруг замерли. Влад стоял с арбалетом наготове, всматриваясь в темень внутри галла. Металлический обруч, схватывающий волосы на лбу, начал нагреваться: горячая кровь бросилась в голову.

Внезапно из темноты вынырнула рука. Влад непонимающе смотрел на странные пальцы, обтянутые полупрозрачной ярко-красной тканью. Пальцы ухватились за край, едва не задев Влада. Он в испуге отпрыгнул. Появилась другая рука, а следом – странная голова, вся закрытая, кроме лица, панцирем. Человек охнул, руки разжались.

Упасть в щель не успел: Влад мгновенно схватил за тонкие пальцы, потащил на себя. Человек, выдернутый из странного галла, как из норы клещ, описал в воздухе высокую дугу, упал на землю. Теперь от галла его отделяло шагов пятнадцать. Он медленно повернулся на живот, еще медленнее встал. Затем поднял и показал пустые ладони, но Влад насторожился еще больше – знал трюки с якобы пустыми руками.

Незнакомец даже в панцире из странного гибкого хитина был ниже почти на голову, выглядел хрупким и незащищенным. Он заговорил быстро-быстро, шагнул к галлу. Влад вскинул арбалет, стрела смотрела в лицо чужака.

Человек застыл, потом залопотал, указывая на зависший галл. Облепленный липким соком, металлический шар клонился к земле. Из дурно пахнущего отверстия выкатывались тяжелые плотные запахи боли, отчаяния.

Влад бросил быстрый взгляд на Головастика. Тот изготовился к драке: сяжки загнуты назад, жвалы разведены до отказа, брюшко подогнуто, а все шесть прочных как железо лап подрагивают от жажды броситься в бой. Этот галл и эти существа ему очень не нравились.

– Стеречь! – велел Влад.

Дим метнулся к незнакомцу, ухватил зазубренными, но острыми как бритва жвалами. Чужак оказался в страшном капкане. Концы жвал почти соприкасались, острые шипы натянули ткань на животе, но не прорвали. От человечка пошел такой запах ужаса и полного отчаяния, что Влад едва не сжалился, лишь в последний миг вспомнив, что враг бывает коварен, а запахи – ложными.

В квадратной дыре металлического галла было чернее, чем в самую темную ночь. Глаза еще не привыкли, а запахи уже воссоздали точную картину: воздух внутри железного шара не двигается, изображение не смазывается, не искажается, Влад отчетливо видел, как среди обломков металла, кристаллов кремния и совсем странных камней лежат двое в таких же панцирях из ярко-красного хитина с желтыми и черными пятнами, что делает их похожими на ваккальвов. Один стонал, пытался ползти, пальцы цеплялись за обломки, гребли к себе. Другой не двигался, но жизнь в нем пока теплилась. Странный хитин прорвался в двух местах, кровь вздулась пузырястыми шарами, быстро густела, а Белые Стражи отчаянно сражались с бактериями, защищая огромное тело, свое жилище.

Влад, поколебавшись, спрыгнул вовнутрь, упал в крошево кристаллов и обломков металла. Инстинктивно взглянул наверх – квадрат выхода успокаивающе зеленеет на фоне неба. Чужие запахи ошеломили непохожестью, в мозгу замелькали странные картины. Он поспешно отогнал видения, рисуемые запахами, быстро и зорко огляделся. Стены смыкаются в шар, от удара разбито все, что может разбиться: не просто падали с высоты, а врезались на страшной скорости... просто немыслимой скорости – в сверхплотный ствол мегадеревя!

Не двое человек в странном галле – трое. В третьем жизни не осталось, а чужая жизнь существ Мегамира уже прогрызает в его теле норки, ищет еду, жилище, корм для личинок.

Влад подхватил оставшихся в живых, ноги распрямились сильно и точно, как у джампера. Его вынесло на край трещины, оттуда скакнул на землю. Дим все так же держал первого чужака в кольце жвал. Надо держать – держит. Будет приказ сжать мандибулы – незнакомец распадется на две половинки. Хозяин и старший друг, который сейчас ходит непривычно, как раненый палочник, знает, кому жить, кому умереть.

Влад опустил поврежденных на землю, пальцы безуспешно шарили в поисках застежек. Уже решил было, что оба так и родились внутри этих нелепых костюмов, но тут чужак, который постанывал, слабо провел ладонью по груди. Ткань с треском раздвинулась.

Незнакомец оказался бледным, худым, обтянутым удивительно непрочной кожей. Сердце Влада забилося еще чаще, чуть не разламывая грудную клетку. С такой кожей не выжить! Откуда эти странные существа? Чувствуя брезгливость пополам с жалостью, он грубо сорвал панцирь с головы раненого. Лицо человека, мужчины средних лет, было бледным, изнеженным, покрытым такой же тонкой кожей. На лбу запеклась кровь. По шее растекалась алая пленка, тут же застывая, ломаясь на сухие коричневые пластинки.

Влад без жалости выдрал чужака из нелепого костюма. Раненый стонал, отчаянно вопил первый незнакомец в жвалах Головастика, но тот капкана не размыкал, только согнул сяжки, ощупывал жертву, водил шупиками по лицу, рукам, одежде, собирая чужие запахи, стараясь понять, что за существо и куда его занести: в опасные, в дичь или же в безразличные субдо-минанты.

Раненый, как видел Влад, был больше оглушен, чем искалечен. Сломана нога, раздавлены ребра с правой стороны, изо рта то и дело вздуваются огромные кровавые пузыри, лопаются, разбрызгивая мелкие шарики крови. Словом, ничего опасного для жизни...

Влад подтащил за ногу второго неподвижного. Тот потрогал на груди друга едва заметные выступы, ткань разъехалась, обнажая сплюснутую грудь. Влад покачал головой. Даже без просвечивания видно – раздавлены внутренности. Внутри разлилась кровь – раненый умрет скоро.

За спиной Влада жалобно вопил первый чужак. Влад не слушал, но внезапно неясное изменение в воздухе заставило упасть на землю. Он откатился в сторону, ухватился за арбалет со взведенной тетивой.

Чужак сбросил костюм до пояса, накрыв им жвалы дима. Это оказалась молодая девушка – измученная, с кровоподтеком на скуле, пахнувшая богато и сильно. У нее были широко расставленные глаза, короткие золотистые волосы, а губы огромные, распухшие, словно по ним били. Душа Влада взвилась до небес, затем камнем рухнула в горящую бездну. Именно таких, говорил дед, боги сотворили для себя, для жизни на небе. Но как она попала на землю?

– Головастик, – произнес Влад чужим охрипшим голосом, – отпусти... Отпусти немедленно!

Девушка ринулась к раненым, едва разомкнулись жвалы. Она упала перед ними на колени, только в сторону Влада успела метнуть испуганно-удивленный взгляд. Похоже, сама не ожидала, что ее появление из личины окажет на могучего воина такой эффект. А если и ожидала, то не ждала... настолько оглушающего. Но тут же отвернулась, ее руки безуспешно пытались натянуть комбинезоны на их тела. Раненый что-то произнес, ободряюще погладил по узкому плечу. Влад насторожился, готовый в любой момент прыгнуть под защиту огромных, как крыши домов, листьев. Женщины слабее, но сражаются тоже. Мужчине обижать их нельзя, этим пользуются...

Хоша засопел, постучал по литой башке дима. Головастик подошел ближе. Хоша наклонился, брезгливо рассматривая чужаков с высоты. Его гребень встопорщился, лапы с выпущенными коготками предостерегающе стукнули по толстому панцирю головы дима.

Девушка в страхе оглянулась на Влада. Из-за его массивного плеча выдвинулась огромная плоская голова. Блеснули серповидные жвалы. Чудовище заковано в крепчайшую кутикулу, по бокам виднеются крохотные отверстия трахейных трубочек. Огромные сяжки, похожие на антенны невиданного марсианского чудовища или же их боевой машины, изучающе потянулись к женщине. Она взвизгнула, отшатнулась.

Раненый не двигался, смотрел на Влада в упор. Когда заговорил, Влад напрягся, потому что глаза незнакомца держали его лицо как в перекрестье прицела. Влад заколебался, ответил с великой неохотой:

– Только говори медленно.

– Ты... все-таки понимаешь?

– Так говорили мои предки, – ответил Влад.

Девушка радостно вскрикнула, ее огромные глаза стали еще шире. В голосе раненого затеплилась надежда:

– Я командир исследовательского отряда Глеб Дубов. Со мной географы Ян Ковальский и Кася Нечаева. В топтере остался механик Тарас Катриченко...

Влад с трудом уловил смысл последних слов. Как подобает воину, ответил сурово, с ритуальной сдержанностью:

– Он будет ждать вас на краю Бесконечного Поля.

ГЛАВА 2

На него смотрели две пары непонимающих глаз. Второй пришелец лежал с опущенными веками, почти не дышал. Дубов спросил осторожно:

– Он уже... там?

Влад кивнул, мужчины не тратят много слов. Таким же кивком указал на другого раненого:

– Для него Большая Ночь придет раньше, чем для вас – малая.

Девушка, ее этот командир, видимо, вождь, назвал Касей, испуганно вскрикнула. Дубов выплюнул кровавый пузырь, проговорил хрипло:

– Он нужен!.. Не дадим... Кася, аптечку...

Девушка взвилась, словно ее подбросила земля, бегом ринулась к зависшему на сломанных деревьях галлу. Дим молниеносно ухватил командира чудовищными жвалами, поднял в воздух. Тот завис, не касаясь ногами земли, застыл. Влад длинным прыжком догнал девушку.

– Вы не понимаете! – закричала она тонким голосом. Ее слабое тельце затряслось от ужаса в его твердых, как мегадерево, руках. На тонкой и бледной, словно у подземного червя, коже вздулись странные пузырьки. Но девушка старалась смотреть ему в глаза, хотя от нее брызгали струи отчаянного ужаса. – Мы еще можем спасти... Отпусти, зверь!

Она едва не вцепилась зубами в его пальцы. Влад нерешительно разомкнул руки. Кася выскользнула, как юный хрудель из кокона, от нее пахнуло облегчением пополам со страхом. Влад прыгнул вслед за ней в черную нору, следил за каждым движением, а когда она вытащила из-под обломков плоский ящик, выхватил, открыл с предосторожностями, опасного не увидел, вернул. Девушка поспешно выбралась, Влад немного задержался, осматривая внутренность летающего галла, который Глеб Дубов, как он назвался, именовал топтером.

Когда он выпрыгнул, девушка уже чародействовала над неподвижным раненым, Яном Ковальским. Дим все так же держал, застыв будто железная статуя, Дубова в жвалах. Командир слабо шевелился, делал девушке успокаивающие знаки. Лицо его стало еще бледнее, на лбу выступили шарики пота.

– Не забывай о нем, женщина, – сказал Влад предостерегающе.

Девушка метнула на него взгляд, смешанный с ненавистью и страхом. В ее руках мелькали прозрачные пакетики с разноцветной жидкостью, капсулы, похожие на оотеки, порошки в прозрачной пленке. Раненый оживал на глазах. Влад ощутил по запаху, что боль затихла, хотя и не отступила. Умиравший организм начал слабое сопротивление наступающей смерти.

Дим все еще держал Глеба. Девушка, закончив с тяжелораненым, бросилась к своему вождю, которого по-прежнему стискивал в капкане жвал дим. Подошвы Глеба болтались на уровне ее лица. Кася беспомощно топталась, страхась подойти ближе.

Влад наконец осознал, что оба не притворяются, в самом деле панически страшатся дима. Мужчина хоть как-то скрывает, на то и вождь, но не понимает, дурак, что запахи выдают с головой, а женщина как на ладони с ее паникой, надеждой и ужасом.

Дим по сигналу раздвинул жвалы. Раненый упал. Девушка сделала движение броситься к нему, но дим стоял на том же месте, задумчиво поводил гибкими сяжками. Кася проговорила дрожащим голосом:

– Глеб... Тарас мертв. Его раздавило, когда треснула обшивка!

Она села с ним рядом, заревела, закрыв лицо ладонями. Вождь дотянулся, погладил, сухие волосы слабо потрескивали. После паузы повернулся к Владу. Их взгляды встретились.

– Свободный Человек, – произнес он, – у нас несчастье... Но в моем племени есть чем заплатить за помощь!

Кася, не переставая реветь, вскинула голову. Ее блестящие глаза со страхом и недоверием уставились на этого удивительного человека. Сухой, с блестящей кожей, он сам напоминал муравья, вставшего на задние лапы. Высокий, прокаленный солнцем, он несколько не страдал от потери влаги: весь закован в плотный хитин, кутикулу. Лицо его выглядит жестким, даже надменным и красивым, но Кася не могла оторвать зачарованного взгляда от удивительных глаз, что так контрастировали с лицом этого рыцаря-убийцы.

Если сам он выглядел как закованный в доспехи воин, то глаза принадлежали сказочному эльфу: огромные, ярко-синие, слегка удивленные, невинные и мудрые одновременно. На темном от солнца лице они горели как волшебные огни. Кася ощутила, что ее слезы начинают останавливаться, но тут взгляд соскользнул на его широкие челюсти, на блестящий панцирь груди, напоминающий головогрудь большого жука, и слезы покатились снова.

Из одежды на варваре, не считая металлического обруча на лбу, только короткие шорты, да и то явно утилитарного значения. На широком поясе из металла висит длинный нож с узким лезвием, две толстые баклажки, а сами шорты всего лишь предохраняют то, что мужчины берегут больше жизни.

Они все рассматривали его во все глаза. А он медленно покачал головой:

– У вас нет того, что нужно мне.

– Но в моем племени...

– Смотрю на одного – вижу всех.

Глеб спросил напрямик:

– Ты нас оставишь?

– Обязанность сильных – помогать калекам. Какая помощь нужна?

Он все еще смотрел на них с безразличной жалостью. Белокожий вождь, Влад сразу ощутил в нем вождя, приподнялся на локте. Его маленькие слабые глазки оглядели оставшихся в живых – женщину и неподвижного раненого, с опаской бросили взгляд на могучего дима, затем на зависший на краю поляны разбитый галл, который называл топтером.

– Мы... – сказал он хриплым голосом, в котором Влад ощутил сдерживаемую боль, – нам бы вернуться... в свое племя. Если бы не сломался топтер, к вечеру уже в племени бы... Но летательная машина разбита вдребезги...

Плач оборвался. Девушка отерла мокрое от слез лицо, глаза расширились, как раздуваются от страха утренние молчалнички:

– Глеб!.. Как он сможет... Лучше звать на помощь по рации!

– Тоже одни осколки, – сказал Глеб.

– Но запасная... А починить...

– Все вдребезг!.. Почему топтер вдруг перестал слушаться руля, врезался в эту проклятую стену?.. О, Свободный Человек! Ты, мы видим, великий воин в своем великом племени! Твой могучий ксеркс с легкостью понесет четверых, не так ли?

Влад покосился на дима, его чужак назвал почему-то ксерксом, перевел взгляд на девушку. Ее трясло. Крохотные кулачки прижались ко рту, словно душила свой же крик.

– Где ваше племя? – поинтересовался он.

Кася страшилась смотреть дикарю глаза в глаза, разглядывала искоса. Он выглядел не столь разъяренным, как в постоянной готовности прийти в ярость, бить и крушить, убивать, рушить... В синих глазах полыхает пламя, как от дуги высокого напряжения. В движениях ощущается огромная сила. Плотная кожа блестит, плавающие в воздухе бакты даже не пытаются вгрызться, отскакивают, будто их отшвыривает незримое силовое поле.

Сама Кася уже влезла в скафандр полностью, застегнула на раненом Ковальском, Глеб сам запахнулся так, что только нос торчал, но Кася тревожилась: мелкие бакты, по-старому –

бактерии, обязательно проникли в распахнутый скафандр, а прогрызть истончившуюся кожу никому из них не составит труда.

Ксеркс, как и его всадник, блестел под солнцем, словно выкованный из куска стали. Огромный, в прочнейшей броне, десантный танк «Фетисова-70», не меньше. В нем также играла дикая мощь, плотные склериты скрывали продолговатое сердце. Кася видела, как мощно открываются и закрываются клапаны по всей длине груди, нагнетая кровь в огромную голову, – ксеркс молод, силен. Огромные сяжки все время в движении: сканируют воздух, определяют запахи, температуру, влажность, подают знаки, на которые полуголый варвар отвечает такими же непонятными жестами.

Раненый Глеб, прыгая на одной ноге, забрался в распахнутый люк топтера. Стволы двух деревьев, на которых тот висел, уже высвободились, железный шар соскользнул на землю. Одно крыло еще трепыхалось, завязнув высоко в ветвях, а другое явно разлетелось при ударе о мегадерево. Влад на этот раз в топтер не полез, но арбалет держал при себе, в чехол не прятал.

Глеб понимал взгляд сдержанного презрения: всем равным себе по размерам этот дикарь готов дать бой. Плавающие в воздухе микроорганизмы не прогрызут плотную кожу, от крупных зверей защитит боевой муравей-солдат, а от гигантов убегут или спрячутся. Да, это герой... Возможно, странствующий воин, что выехал на поиски приключений, открытий.

Понимает ли, что они из другого мира?

Влад уложил тяжелораненого на широкую спину Головастика. Глеб суетливо помогал прикреплять руки и ноги липкими лентами. Глаза округлились, когда он увидел их у варвара, но смолчал. Касе Влад велел сесть за своей спиной. Кася боялась даже смотреть на могучего ксеркса, самого страшного хищника из муравьев в Европе, а не то что приблизиться. Но Глеб заорал, Ковальский простонал сквозь зубы, а Влад повелительным жестом велел поднять щиток с лица.

Кася дрожа, не задеть бы религиозные чувства дикаря, закрыла глаза и прыгнула. Поляризационный щиток сбросила на лету. Глеб поймал в воздухе, усадил – глаз в панике не открывала, ухватила за твердое. Думала – поручень седла, оказалось – твердое, как мегадерево, плечо. Она отдернула пальцы, словно сунула в огонь.

– Кася, Кася, – сказал Глеб напряженно, – возьми себя в руки.

– Глеб Иванович...

– Перебори страх.

– Не могу... Оно на меня смотрит!

Впереди на огромной голове ксеркса, отделенной от них лишь короткой шеей, тоже плотно закрытой панцирем, сидел небольшой дракон: в прежней жизни не крупнее толстого кота – шестилапый, с острыми шипами, с гребнем вдоль сторбленной спины. Он оглянулся на Касю. Она взвизгнула, отшатнулась. У маленького дракончика были крупные фасеточные глаза, острые, как рога, сяжки, а из пасти торчат жвалы, похожие на резцы. Зазубрины нехорошо блестят.

– Оно смотрит, – повторила Кася отчаянно.

– И ты смотри, – ответил Глеб все так же напряженно. Он усиленно вымучивал улыбку. – Не показывай страха.

– Как?

– Не знаю. Но кто боится – того едят.

У Каси был не страх – ужас, паника. Она закрыла глаза и на ощупь взяла Ковальского за руку. Тот слабо пожал – жизнь в нем едва теплилась. Под собой Кася ощущала твердое – склериты по прочности превосходят камни, – но теплое: могучее сердце ксеркса работает мощно, бесперебойно.

– Все, – проговорил Глеб. Он оглянулся на топтер, тот лежал на земле – огромный, нелепый своей металличностью в живом мире. – Великий Вождь...

– Я всего лишь сын вождя, – прервал Влад.

– Гм, но ты выглядишь мудрым...

– Мое имя – Влад, – услышал Глеб в ответ холодноватое. Похоже, варвар ощутил его постыдное желание, недостойное мужчины, сказать сладкие слова. – Так и зови.

Глеб сказал поспешно:

– Прекрасное имя! Могучее, обещающее... Прости, Влад, если чем задел твои религиозные чувства. Мы из другого племени, у нас многое по-другому... Если с твоей помощью успеем спасти жизнь нашего друга, ты получишь большую награду. Но для этого надо ехать быстро.

– Тогда не покидайте дима, – ответил Влад.

Твердая спина вдруг дернулась. Зеленые деревья ринулись навстречу, разбежались по бокам. Замелькали разноцветные пятна, в лицо ударили сильные запахи, исчезли, сменились. Кася обнаружила, что лежит на спине, под ней твердые склериты – если бы Глеб не прикрепил липучками, ее сбросило бы встречным ударом воздуха.

Ксеркс несся как стрела, выпущенная из арбалета. Влад сидел рядом с карликовым драконом, оба застывшие, словно вбитые в толстый панцирь колья. Тяжелый плотный воздух завихрялся за их спинами крохотными воронками. Глеб лег на Ковальского, закрыл телом. Их лица были открыты, комбинезоны застегнуть не удалось – раненые и ушибленные части тела распухли, раздулись.

Ксеркс мчался неровными перебежками, время от времени останавливался на полной скорости. Тут же без разбега несся дальше. Касю то отбрасывало, то с размаха стукалась о твердую спину. Похоже, варвару это осточертело, несмотря на его спартанскую выдержку, он обернулся. На Касю в упор взглянули страшные, нечеловеческие глаза. Голос прозвучал на удивление мягко:

– Женщина, обхвати меня руками.

Кася застыла в страхе, он казался огромным жуком, закованным в твердый хитин. Глеб рассерженно прошипел:

– Кася... не серди!

– Я боюсь...

– Бойся вволю, но не спорь.

Грудная клетка варвара оказалась так широка, что ее рук не хватило бы, зато пояс ее комбинезона мог бы оказаться впору на его туго стянутой мышцами талии. Кася робко обхватила его руками, сцепила пальцы. От частого беспорядочного мелькания деревьев в глазах рябило. Она помимо воли прижалась щекой к широкой спине, словно к гранитной плите, закрыла глаза.

Мчались через дремучие заросли, распугивали зверей, проскакивали завалы, каменные насыпи. Однажды впереди выросла отвесная стена, основание тонуло в черной земле, а вершина уходила в Туман. Глеб ахнуть не успел, как шесть когтистых лап застучали по твердому. Земля внезапно оказалась внизу, дим несся по отвесной стене – с той же скоростью, что и бежал по земле. Влад и его шестиногий дракончик сидели такие же застывшие, почти сонные. Кася от ужаса так прижалась к Владу, что они выглядели как одно целое.

А ксеркс несся и несся по вертикальной стене. Туман отодвигался, обнажая все такую же изъеденную мелкими оврагами и трещинами деревянную стену. Глеб наконец сообразил, что перебираются через ствол упавшего поперек тропы мегадерева. Попытаться обойти эту гору – все равно что обогнуть горный хребет...

Наконец ксеркс, быстро перейдя в горизонтальное положение, пробежал пару сотен шагов, понесся вниз головой. Влад прислушался, велел Головастику чуть замедлить бег. От слабой, как личинка, женщины шло странное тепло, по его телу прокатилась горячая волна,

мышцы вздулись от прилива крови. Она спала – он чувствовал по ее щеке, что жгла спину. Тонкие, как усики ползушки, руки обхватывали его, бледные пальцы сплелись словно паутинки, подергивались во сне.

Глеб заботливо придерживал голову Ковальского. Тот спал, оглушенный двойной дозой обезболивающего. Глеб видел впереди и у своих ног грубые рубцы, похожие на швы электро-сварки, – там толстые листы хитина соединяются с такими же толстыми плитами, укрывая ксеркса броней. У жуков кутикула намного прочнее. Кутикула – защита от ударов, по прочности она превосходит лучшие сорта стали. Она не выпускает воду, без нее в этом мире погибнешь сразу.

Он тихонько провел ладонью по спине могучего ксеркса. Экзоскелет, судя по всему, из тонких слоев микрофибрилл, продольные оси повернуты, кутикула сложена как фанера, что многократно усиливает прочность. У ксеркса скафандр надежнее, чем у них троих, а дыхальцы, что ведут в трахеи, сейчас туго стянуты диафрагмой – явно бережет воду, та постоянно теряется с дыханием. На огромной литой голове, похожей на башню танка, постоянно шевелятся чувствительнейшие локаторы: по четырнадцать щупиков, каждый ловит свое: один берет сверхдальние запахи, другой сортирует близкие, третий определяет малейшие вибрации почвы – ведь муравьи почти глухие, четвертый настроен лишь на раскодировку опасности...

Глеб вздохнул, возвращаясь в жестокий мир реальности. Ковальский без сознания, а Кася заснула от изнеможения. Пусть спит, так даже лучше. Слишком страшно мчаться на жутком звере, да еще вниз головой по деревянной стене, полной оврагов, ущелий, темных бугров и выступов, разгоняя внезапно выскакивающее из щелей зверье. Мчаться, когда внизу клубится Туман, ибо глаза в этом мире не могут видеть дальше, чем на пару сот метров...

ГЛАВА 3

Когда тепло начало уходить из воздуха, дим остановился. Влад взял на руки спящую девушку, Глеб содрал липучки с рук и ног раненого, разом прыгнули на землю. Тут же загремели крупные кристаллы песка. Дим мелькнул в ближайших зарослях, исчез.

Влад осторожно положил на землю Касю. Она старалась свернуться калачиком, поджимала колени к подбородку и натягивала несуществующее одеяло. Глеб, подражая ему, опустил Ковальского рядом с Касей, спросил осторожно:

– Твой конь... гм... могучий дим, вернется?

В широко расставленных глазах варвара блеснуло удивление:

– Охота!

Его глаза не отрывались от спящей женщины. Перехватив взгляд вождя Глеба, сел в двух шагах, лицо стало бесстрастным, даже надменным. Нагретые солнцем камешки тихонько потрескивали, остывая, двигались, теряя при охлаждении объем, устраивались на ночь. Цветные струи поредели, темные бакты взмыли повыше, спеша захватить над верхушками деревьев лучи заходящего солнца, а светлые опустились к почве, укрываясь в щелях, под теплыми крышами гниющих листьев. Громкие голоса зверей, сопровождавшие их всю дорогу, начали меняться: на смену дневным пришли вечерние, которые, развивая бешеную активность, успевают поохотиться за полчаса-час до прихода ночного холода.

Кася, ощутив пристальный взгляд, беспокойно задвигалась, снова попробовала натянуть одеяло. Его не оказалось. Кася приоткрыла глаз, потом распахнула оба во всю ширь и завизжала в ужасе. Она лежит на камнях, в десятке шагов раскорячилось жуткое дерево, на широких листьях сидят огромные чудовища и молча смотрят на нее двумя рядами глаз, а в двух шагах расположился страшный дикарь.

– Страшный сон? – поинтересовался он сочувствующе.

Она умолкла, набрала в грудь воздуха, сердце колотится, как пойманная птица, выдавила с трудом:

– Не... не сон.

Последние лучи заходящего солнца бросали кровавый свет на его гибкие латы, что полностью закрывали грудь. Кася поморгала, вопль все еще рвался изнутри, наконец поняла с еще большим страхом, что то вовсе не латы, а обнаженная грудь. Да, просто грудь, и нечего вопить от ужаса. Звериная жизнь этих одичавших несчастных дала выжить только тем, кто сумел превратить свою кожу в хитин, кутикулу. Глаза у дикаря тоже непростые, но ничего особенного, все объяснимо: расставлены широко, что увеличивает обзор и стереоскопичность, а также крупные, что улучшает остроту зрения. Сетчатка огромная – это дает возможность различать тончайшие оттенки цвета...

Она заворуженно смотрела в странные нечеловеческие глаза, забыв о страхе, как вдруг затрещало. Из близких зарослей выметнулся огромный как скала зверь. Мелькнули чудовищные зазубренные жвалы. Камни трещали под жуткими когтистыми лапами, похожими на стальные отполированные шипастые столбы. Зверь метнулся прямо на них. Кася взвизгнула и, не помня себя, мигом очутилась за спиной варвара.

Чудовище опустило на землю перед своим чудовищным хозяином молодого, только что полинявшего трурля. Нежная, еще не начавшая твердеть кожа не скрывала внутренностей. Отчетливо видно было, как внутри трурля трепыхается длинное сердце, больше похожее на связку четок, неясным дымом клубятся размытые желудки.

Влад похлопал зверя по огромной голове. Дим тут же подставил щеку. Влад отмахнулся:

– Иди-иди, чесун! Пусть Хоша почешет. Или эта женщина.

Кася смотрела все еще с ужасом, вздрагивала, едва дим косил в ее сторону. Глеб, сперва тоже было отпрыгнувший, с кривой усмешкой осторожно опустился на землю. На голове дима между сяжек по-прежнему сидит страшенький зверек, похожий на ночной кошмар. Но теперь плотные сегменты на его брюхе раздвинулись, показалась тонкая мембрана, а само брюхо раздулось и касается лба могучего ксеркса.

Влад умело перерезал трурлю головной ганглий. Кася вздрагивала, нож варвара с удивительной легкостью вспорол живот, развалил сочную плоть надвое, словно разрезал только что испеченный сырник. Пахнуло влагой и теплом.

Руки варвара умело выдернули кишки. Никто на Станции так бы не сумел, поняла Кася, для этого надо, оказывается, плотно зажать самого трурля коленями...

– Молодой, сочный!.. – определил варвар. – Головастик даром что боевой дим, а поесть любит, как простой фуражир... Походный вождь, тебе прыгательную ляжку?

Глеб с натужной улыбкой принял непомерно раздутую мышцами заднюю лапу, поклонился, оценив жест. Передние и средние лапы трурля много хуже, тонкие, жилистые, созданные для бега, не для прыжков.

– Великий воин, – сказал он осторожно, – о нас не волнуйся... Нам бы поскорее добраться до племени... Лучше покорми ксеркса... то есть дима. Для нас лучше бы отправиться, как только сочтешь его отдохнувшим.

– Он не устал, – отмахнулся Влад. – Просто надо пополнить воду. Не знаю, как в вашем племени, но у нас...

– У нас тоже, – ответил Глеб поспешно. – Тогда покорми боевого коня, да в путь. У нас раненый. Наши хирурги... гм, шаманы должны получить его поскорее.

Влад ответил надменно:

– Воин всегда сперва кормит дима, потом ест сам.

– Но когда ты...

– Посмотри на его abdomen.

Дим присел, вылизывался, выгнув abdomen. Темные склериты, что вложены один в один, как кольца подзорной трубы, раздвинулись, между ними виднелась тонкая мембрана. Глебу почудилось, что дим сыто отдувается и даже взрывает осоловело. В просторном животе дима что-то шевелилось. Глеб поспешно отогнал дикую мысль, что муравей проглотил жертву живой.

Даже сытый, этот дим напоминал Глебу башенный кран, покрытый танковой броней. Свирепо изогнувшись, ксеркс с треском драл шершавым, как наждак... по крайней мере, с виду... языком панцирь, начищал до блеска, отдирав грязь и присосавшихся микробов. Сяжки выкусывал и вылизывал особенно тщательно, пропускал через сомкнутые жвалы, часто-часто прикусывая, обильно смачивая гибкие суставчатые антенны быстро высыхающей слюной.

По спине бронированного чудовища, каким выглядел ксеркс, прыгает чудовище поменьше – Хоша, из рода бусей. Хоша придирчиво рассматривал между сочленениями, хватался всеми шестью когтистыми лапами, бесцеремонно растягивал гибкую мембрану, искал. Поймав на себе испуганный взгляд Каси, повернулся и несколько мгновений глядел на нее в упор огромными хищными глазами. Внезапно широкая пасть распахнулась, маленькое чудовище страшно взвизгнуло, стремительно прыгнуло...

Кася успела только рот открыть для истошного визга, как страшное чудовище брякнулось ей на голову. Рядом с ухом жутко лязгнули крепкие мандибулы, в мочке кольнуло. Буся крепко лягнул ее по голове прыгательными лапами, длинным прыжком снова очутился на диме.

Кася издала дикий, режущий вопль. Глеб подскочил, круто повернулся. Девушка ухватила себя за ухо, увидела на пальцах кровь, набрала в грудь воздуха и завопила громче.

Глеб, бледный как полотно, замахал руками, а когда она остановилась, чтобы набрать воздуха для нового вопля, крикнул торопливо:

– Посмотри на него! Посмотри на бусю!

– Ни за... что...

Буся как раз сдал в жвалах что-то красное, толстенькое – не крупнее ногтя Каси. Глеб с отвращением узнал раздувшегося клеща. Клещ звучно лопнул, на голову ксеркса брызнула кровь. Хоша мигом схрумкал клеща, лизнул кровь на отполированном склерите лба старшего друга, внезапно перекосил рожу и с отвращением выплюнул. Кася увидела понимающий кивок Глеба. Этот буся не решился проглотить незнакомую кровь – человеческую.

– Симбиоз, – сказал Глеб настойчиво. – Или боевое товарищество. Все трое помогают друг другу.

Кася с отвращением повернулась в другую сторону. Пальцы все еще щупали кровото-чашую мочку, откуда буся сорвал присосавшегося клеща, но именно на той стороне поляны дикарь, не изменив выражения лица, раздирал толстую личинку руками. Мышечная ткань трещала – еще нежнейшая, неокрепшая. Кровь и лимфа брызгали и падали на землю, застывая там розовыми шарами. Варвар довольно взрыкивал, облизывал пальцы.

Глеб увидел измученное лицо девушки, поспешно ухватил мешок:

– Кася!.. Кася, вот галеты...

– Да какие галеты...

– Наши, проверенные.

Она сорвалась с места, моментально оказалась за ближайшим деревом, чьи широкие листья опустились до земли. Закрыв глаза, лишь бы не видеть, как едят полуживых зверей такие же хищные звери, в том числе ест и ее научный руководитель, географ Глеб Дубов, она изо всех сил ладонями зажимала рот.

Влад, не переставая высасывать сок из дергающейся личинки, кивнул диму. Головастик, бросив свои дела, послушно потрусил вслед за женщиной.

Касе не удалось убежать далеко: ее вывернуло наизнанку сразу за деревом. В этом мире сила тяжести роли не играет, межмолекулярное сцепление намного реальнее. Кася долго вытирала рот, соскребая пленку слизи и слюны, что стремилась как можно быстрее распознать по подбородку и, желательно, покрыть ее всю с головы до ног.

Обессиленная, она повернулась на подгибающихся ногах и... ударилась о толстую металлическую колонну, усаженную шипами, крюками, стилетами. Вскинула голову, еще не понимая, что это и зачем, а сверху уже опускалась огромная, как башня танка, голова ксеркса. Упругие сяжки пробежали по ее телу, едва не свалив. Кася невольно ухватила за шипастую ногу.

Ксеркс с недоумением ощупал, потрогал жвалами. Кася в ужасе закрыла глаза. Жесткие, как ершики для чистки бутылок, метелочки пробежали по лицу, пахло теплом из раскрытой пасти размером с жерло печи.

Хотела завопить, но голос от страха отнялся. Ксеркс раздвинул жвалы шире, внезапно вскинул голову, страшно лязгнул мандибулами. Хрустнуло, рядом с Касей упало, задев по плечу, прозрачное крыло со сложным жилкованием. Другое крыло дважды перевернулось, упало в стороне. Ксеркс мерно задвигал жвалами, на Касю упала капля жидкости, размером с ее голову. Ксеркс неторопливо жевал добычу, нависая над Касей, его сяжки непрерывно двигались, щупая разноцветные струи воздуха, касаясь проплывающих в нем крупиц цветочной пыли.

Кася в ужасе глядела на дима. Тот, не переставая жевать, внимательно рассматривал ее, словно решал: везти ее дальше или сожрать на месте? Лоб его был высок, щеки чуть красноватые, крупные фасеточные глаза находились на глазных склеритах, окруженные плотными валиками кутикулы. Пара сяжек нависала, почти касаясь ее волос, жесткие щеточки подергивались, вбирая запахи, сопоставляя, запоминая. Затылок дима, как успела заметить Кася, отделен от темени и щек затылочным швом, вентральные части затылочной дуги скорее стали уже защечками. Зазатылок – узкий кольцеобразный склерит, составляющий края затылочного отверстия,

отделен от затылка затылочным швом. Кася увидела там удобные затылочные мышелки, словно бы приспособленные для ног дикаря, – тот явно ездит не на спине, а прямо на зазатылке могучего зверя.

Когда девушка кое-как выбралась обратно, Глеб с великим трудом уже поднимался навстречу. Лицо географа было испуганным, в глазах страх:

– Мы слышали треск... Ты была там так долго. Живот болит?

– Какой живот... там это чудище!

– Но с тобой все в порядке?

– В п-п-порядке, – выдавила она. – Но чтобы я была в самом полном порядке, этот зверь должен попасть богомолу в лапы... Ой!

Ксеркс вышел следом, тяжело бухнулся рядом с Касей, начал чесать задней лапой за левым сяжком, с наслаждением выворачивая голову. Треск поднялся такой, словно сотня лесорубов рубили, нет – ломали Лес голыми руками.

Ее ладонь коснулась влажного, подрагивающего желе. Еще ничего не понимая, поспешно повернула голову. Варвар, полузакрыв глаза, шумно высасывал живительные соки из крупного ломтя. У его ног дергались крючковатые лапы, сгибались, пытались ползти. Оторванная голова личинки мерно двигала мандибулами. Кася в ужасе отпрянула, сообразив, что дотронулась до оторванного заднего сегмента, где короткие толстые лапки еще дергаются, бегут...

– Завтра утром будем на Станции, – сказал Глеб предупредительно. – Не визжи, уже скоро. Судя по тому, что ты там пропадала так долго, ты уже... гм... внутри совсем чистая.

– Еще ты!

– Но так все в порядке?

– С кем? – спросила Кася дрожащим голосом.

– Ну... Здесь весь окружающий мир и столовая, и спальня, и туалет...

Голос его упал до шепота. Кася с раскаянием вспомнила, что Глеб ранен, держится на болеутоляющем, у него открытый перелом голени, что всего лишь залит анестезирующим клеем.

Она попыталась бодро улыбнуться:

– Нам всем придется сменить комбинезоны, когда вернемся на Станцию.

Еще около часа могучий дим неся через быстро темнеющий Лес. Солнце, судя по цвету павшей на мир тени, скрылось не только за верхушками мегадеревьев, но и за краем земли.

От прогретой земли все еще поднимались токи теплого воздуха. Сейчас они стали заметнее, похожие на танцующие призраки. Над особенно теплыми участками почвы казались прозрачными деревьями, а темные сгущения в общем потоке казались восходящими потоками земного сока. Глеб начал поглядывать с беспокойством, но варвар смотрел только вперед, дим мчался и мчался, и Глеб не выдержал:

– Могучий воин!.. Позволь задать вопрос...

Варвар проронил снисходительно:

– Позволяю.

– Не пора ли остановиться для ночевки?

– Ты уже устал?

– Нет, но...

– Устала твоя женщина?

– Это не моя женщина, – ответил Глеб автоматически, тут же пожалел, что брякнул такое.

Кто знает, что у этих детей природы на уме. – Мы еще можем держаться, однако ночью...

– Мы скоро остановимся, – сообщил варвар.

Но они мчались и мчались, затем ксеркс без всякого предупреждения и без команды внезапно остановился, словно налетел на стену. Будь это в том мире, откуда пришел Глеб, его вместе с Касей и раненым сила инерции сорвала бы со спины и бросила по длинной дуге вперед. Но сейчас он только чуть клюнул носом, хотя сама по себе внезапная остановка на такой скорости выглядит пугающей для человека, что год тому еще ездил по улицам Москвы за рулем своей автомашины.

– Расположимся в расщелине? – предложил Глеб. – У нас есть непроницаемый тент... Эх, черт, все осталось в топтере...

Он с благодарностью вспомнил лекции, где демонстрировали старые записи о первопроходцах этого мира: Евлампии Енисееве, Дмитриии Алексеевском, Александре Фетисовой – они ночевали как раз подобным образом, однако варвар и ухом не повел. Даже поморщился. Возможно, посчитал ночевку в расщелине оскорблением традиций племени или же нарушением каких-то табу.

Ксеркс, дождавшись, когда с него соскочат существа, сразу же ушел на охоту. Хоша, поколебавшись, остался на литой башке дима, а Вадим занялся арбалетом и стрелами.

Глеб сказал осторожно:

– Могучий вождь... если позволишь, я зажгу наш собственный свет... Это у нас такое, ритуальное...

– Позволяю, – ответил варвар.

Лицо его было надменное. Глеб зажег мощный фонарь, предварительно отрегулировав на минимальную мощность, боялся неадекватной реакции варвара, но тот проявил лишь самый вялый интерес, многие гнилушки дают свет помощнее, забросил арбалет за спину и пропал в черноте ночи.

Ковальский изредка постанывал в забытии. Кася смочила ему губы, напоить не разрешает Глеб, с тоской смотрела по сторонам. Огромные страшные деревья пугающе чернеют в слабом лунном свете, а отсюда их еще подсвечивает ровный несильный свет фонаря, делая мрачнее и страшнее.

ГЛАВА 4

В темном Лесу трещало, изредка раздавался жуткий вопль. Иногда сверху словно бы доносился порыв легкого ветерка: пролетал крылатый зверь. Глеб протянул Касе пилюли для подстегивания затихающего на холоде метаболизма.

– Возьми. Это варвар умеет обходиться без них. Но мы – люди.

Кася зябко повела плечами:

– Меня в холод бросает всякий раз, когда смотрю на него!

Но пилюли проглотила сразу, без колебаний. Глеб осторожно потрогал раненую ногу, на губах появилась улыбка:

– Только бы добраться до Станции... В этом мире медицина творит чудеса. Через неделю уже и не вспомню, что у меня были сломаны ноги, ребра, отбиты почки...

– А мы доберемся? – спросила Кася жалобно.

– Обязательно, – ответил Глеб твердо.

– А как же...

Она осеклась, из темноты вынырнул варвар. Лунный свет играл на его блестящих плечах, за спиной и в руках колыхались раздутые бурдюки. Он вообще, как заметила Кася, пополнял запасы воды часто, регулярно поил боевого муравья и маленького страшноватого зверя, роли которого Кася все не могла понять, хотя тот вроде бы даже на ней поймал клеща.

Варвар не повел на них и глазом, сел у блестящего кристалла, что в Старом Свете был крупной песчинкой, привалился спиной и опустил веки. Лицо оставалось спокойным, но теперь надменность медленно растушевалась. Кася ощутила, что варвар еще очень молод.

Воздух становился все холоднее, но страшный лес не спал. Даже Кася, чужая в этом диком мире, ощутила, что с наступлением тьмы на смену одним чудовищам явились другие, непохожие. Крупные, тяжелые, медлительные, защищенные от ночного холода толстым мехом.

Явился ксеркс, брюшко заметно раздулось. Приблизился к варвару, Кася видела, как он высунул длинный розовый язык и лизнул хозяина прямо в лицо, словно непомерно огромный пес. Страшненький зверек соскочил с его слоновьей головы и брякнулся на плечо варвару, пошел топтаться по нему, устраиваясь, как щенок, на ночь.

Варвар похлопал его по лапе, ксеркс послушно лег рядом. Там и устроились все три страшилища. Еще Кася заметила, что варвар скормил ксерксу из бурдюка какие-то добавки. Возможно, что-то для пищеварения, так как она помнила, что муравей в одиночку не в состоянии даже переваривать еду.

Она взвизгнула, когда из ночи вынырнуло хлопающее крыльями чудовище размером с топтер. Внизу тут же забушевал вихрь. Она вцепилась в огромный камень, ее откатило с ним вместе, порывы ветра подняли сор и тучу микроорганизмов. Ксеркс тут же понесся кругами, наступал, а то и сбивал с ног Влада, Глеба и Касю, ничего не видя, кроме противника или добычи, азартно щелкал жвалами, подпрыгивал, метался из стороны в сторону. Крохотный буся прыгал на его литой голове, тоже что-то ловил, тонко верещал.

Огромное чудовище, оказавшееся ночной бабочкой, толстой и мохнатой, закончило жизнь в страшных жвалах ксеркса. Правда, уже в темных зарослях, куда уволокло его в долгих попытках освободиться. Затем, в результате нескончаемой ночной бойни, от которой Кася просто ошалела, вокруг фонаря, почти завалив его, выросла гора еще живых, но искалеченных бабочек, комариков, мошек, жучков. Ксеркс, как торопливо объяснил ей, успокаивая, Глеб, следует врожденному инстинкту заготовки корма впрок. Дикарь не глуп, бороться с природой не стал, явно не мичуринец, хотя гору мяса придется оставить здесь – не брать же с собой.

Кася не то чтобы успокоилась, просто настолько много увидела сразу, что все притупилось до обыденности. Выйди сейчас из ночи марсианин с двумя головами, она посмотрит на

него таким же бараньим взором, отстраненным и равнодушным, каким смотрит на мир этот пресыщенный сын императора.

Наконец она вовсе начала клевать носом. Влад, как заботливый проводник, спросил с непониманием:

– Почему не спишь?.. Утром выйдем рано.

В его сильном голосе звучала почти та же забота, как и о его ксерксе и Хоше. Глеб ответил за нее поспешно:

– Великий воин, она сейчас заснет. Роса не помешает?

– Есть люди, – ответил Влад, – которым все мешает.

Он ушел ворошить истекающих кровью насекомых, а Глеб укрыл Ковальского – тот все еще не приходит в сознание. Касе велел тихо:

– Капни алломоном. Здесь на каждом листке по хищнику. Под листьями тоже.

Она оглянулась на варвара, он внимательно рассматривал в свете фонаря крылья, лапы жертв:

– Может быть, он вообще никогда не спит?

– Такое невозможно!

– Почему? Генетическая мутация...

Глеб тоже покосился, ответил шепотом:

– Со дня бегства первой группы прошло едва сто лет. Он выглядит человеком до кончика ногтей. А плотная кожа – результат приспособления к среде. Защитный механизм от высыхания, потери воды. Генетически он такой, как и мы. Если бы ты, к примеру, вышла за него замуж, у вас была бы куча здоровых и жизнерадостных детей.

– Ну и примеры у тебя! – сказала Кася негодуя.

– Я хотел сказать, – улыбнулся он, – что если бы он соизволил взять тебя в жены...

– Еще лучше, – огрызнулась она. – Лучше спи, а?

Глеб попробовал растянуть губы в улыбке, но получилась гримаса. Так и заснул, страдальчески искривив лицо. Кася села к нему вплотную, зябко прижалась спиной. Она не успела додумать мысль про ночной анабиоз, провалилась в оцепенение.

Влад открыл глаза, мгновенно охватил всю картину рассвета. Поляна еще в тени, от земли тянет могильным холодом, в стороне на огромных листьях блестят водяные шары: одни с кулак, другие – в полный рост человека. Маленькие – круглые, а гиганты – сплюснутые собственной тяжестью. Воздух быстро прогревается, над шарами неспешно, а потом все быстрее завихрились полупрозрачные струйки, шары пошли рябью, с поверхности на глазах отрываются клоуны, взлетают, превращаются в мелкий водяной пар, исчезающий тут же.

Деревья словно раздвинулись, из полутемного леса, как огромный валун, падающий с горы, вынесся могучий дим. Лист, под которым он пробежал, дрогнул. Два большущих шара покатались по зеленому, расчерченному клетками полю. На месте их ночной стоянки остались белесые пятна, зато на листе, покрытом, как воском, тонкой пленкой, не осталось и следа. На Головастике, сытом и блистающем доспехами, сидел Хоша, весело стрекотал, подпрыгивал, пытаясь поскорее ощутить утреннее солнце.

Влад сбросил маскировочную сеть со спящих, его глаза невольно повернулись в сторону женщины. Из-за невидимых вершин мегадеревьев сорвался первый луч солнца, у Влада на миг остановилось дыхание. Яркий луч просветил Касю насквозь, ибо распахнутый на груди комбинезон сполз до пояса. Стало видно ярко окрашенное сердце, что едва пульсирует, замороженное ночным холодом, рядом тонет в белой пене трахей тонкая легочная трубка. Ниже сыто шевелится коричневая туша печени, голубеют продолговатые почки, красиво изогнулись тонкие трубки кишок, а желудок сморщился, совсем плоский, жалобный.

Влад нахмурился, стяхивая наваждение. Даже перевел взгляд на родных Головастика и Хошу, прогнал через легкие воздух, очищая мозг, толкнул ногой Глеба. Тот вздрогнул, открыл глаза.

– Накорми женщину, – велел Влад.

– Да-да, – сказал Глеб торопливо. – Что с Ковальским?

– Пусть спит, – бросил Влад. – Накорми женщину!

Ковальского Глеб вытащил из тени в последний момент, когда грузились на дима. Ян был холодный как льдинка, ночное оцепенение остановило боль и нагноение. Влад прикрепил раненого к широкой спине липучками, закрепил ноги себе и Касе. Она опасливо поглядывала на редкие волоски, что совсем некстати торчали из плотной брони ксеркса. Ей померещилась прыгнувшая искорка электрического заряда, пахло озоном, но варвар уже хлопнул зверя по массивной голове, мир качнулся, и деревья помчались навстречу. Кася забыла о странных волосках, сжалась, напоминая себе шепотом, что до спасительной Станции всего несколько часов бега через страшные джунгли. Надо перетерпеть, выжить эти часы, уцелеть.

Глеб бросал взгляды по сторонам, чаще всего нависая над Ковальским, поглядывал на блестящую спину Влада. Рядом с ним сидело маленькое чудовище, такое же неподвижное, так же всматривалось в вынырывающие из стены Тумана зеленые деревья, камни, сверкающие кристаллы. В низинах еще лежали на листьях блистающие шары. Самые крупные из них ксеркс обходил, опасаясь прилипнуть, мелкие быстро выпивал, секции живота заметно выдвигались. Два водяных шара Влад упрятал в бурдюк. Вскоре такие остановки прекратились – солнце нагрело почву, и водяные шары, похожие на исполинские жемчужины, встречаться перестали.

Воздух уже пронизывал неумолчный гвалт, треск, писк, рев, грохот. Поплыли сцепленные в пахучие цветные шары комочки цветочной пыльцы. Глеб не успел увернуться, пришлось в расплату за ротовое долго собирать с лица налипшую сладость. В довершение ко всему сверху раздалось мощное гудение, на него бросился огромный крылатый зверь, явно обозначился. Глеб не знал уж, за кого его приняли, торопливо очистился от сладкой пыльцы, лег, прижимаясь к толстым склеритам, под которыми слышал, как мощно стучит сердце, едва слышно шелестят, протискиваясь через межклеточные стенки, кровь и лимфа.

Вдруг из зарослей бросился кто-то огромный, жесткий. Глеб ощутил сильный удар по спине, скрипнула ткань комбинезона, протестующе взвизгнул Хоша, затем все стихло. Он приподнялся, огляделся. Влад сидел в той же позе, невозмутимо глядя вперед, рядом устраивался Хоша, гребень на спине медленно опадал, а короткие сяжки перестали дрожать, замерли. Кася мелко-мелко тряслась, закрыв глаза и прижимаясь к дикарю. Ее руки были обвиты вокруг его пояса. Спрашивать у нее Глеб не стал, она могла не раскрывать глаз с момента старта.

На комбинезоне на уровне лопаток обнаружил две полосы быстро высыхающей слюны. Зверь прыгнул с дерева, пытаясь вонзить жвалы, но ткань выдержала. Глеб ощутил холодок страха: а если бы хищник сжал жвалами? Руку, ногу или голову? В чем-то просчитались дизайнеры, уверяя, что окраска комбинезонов отпугнет любого зверя.

Он с завистью покосился на широкие плечи Влада. Тот в своем мире, для него нет ужаса, когда из-за каждого листа провожают глазами звери впятеро, а то и в десятки раз крупнее. Он не делает ежедневно прививки от заразных болезней, солнечной радиации, распыленных ядов – животных и растительных, не делает уколы, поддерживая водно-солевой обмен, концентрацию ионов в крови!..

ГЛАВА 5

Ксеркс бежал ровно, изредка делая остановки. Иначе, как помнил Глеб, муравьи передвигаться вообще не могут. А селекция этих варваров вряд ли смогла изменить генетическую программу поведения, вшитую намертво в ганглии.

Убаюканный мелькающими пятнами зелени, он чуть расслабил напряженные мышцы, начал вспоминать, как все просто, честно и наивно начиналось. Прошло больше ста лет после открытия принципа «вышибания лишних клеток», как окрестили бойкие журналисты, хотя на самом деле процесс был иной, куда сложнее, но все было по крайней мере предсказуемо. Глеб всегда умилялся, глядя в старых кинолентах на первопроходцев Малого Мира – так вначале называли Мегамир. С каким энтузиазмом говорили они о неисчислимых богатствах заново открываемой планеты! А сколько для уменьшившихся людей в мире насекомых мяса, зерна, редких металлов, нефти? Обещали излечение от всех болезней, анабиоз, почти бессмертие!..

Поначалу шли крохотными шажками: две тысячи тридцать девятый – первый выход в Мегамир, две тысячи сорок первый – организация научной станции, две тысячи сорок третий – выход за пределы Полигона... Но уже через пятьдесят лет из одной из станций, их насчитывалось тогда две сотни, ушла в Лес Кристина Сидорова. Не погибла в Лесу, как изредка случалось, а ушла добровольно, оставив записку. Социологи возопили, они-де давно предупреждали, что даже при самых строжайших проверках и допусках обязательно найдутся желающие... Даже удивились, когда в две тысячи сто седьмом году ушла первая организованная группа, предсказывали на шесть лет раньше.

Еще через восемь лет правительство стран передало право на строительство переходных камер частным фирмам. Конечно, обязывались держать полнейший контроль над рассеянием микролюдей, однако... Уходили парами, уходили семьями. Реже – группками. Основывали новые племена, искали пути к Правде, Истине, Богу, Мандре, Исконности, Маниту, Брахме... Выжили единицы, остальные гибли или деградировали до уровня животных. В две тысячи сто двадцатом году одна из станций установила радиосвязь с «независимым городом-государством». Через двенадцать лет – с сотым.

В Мегамире не было жесткого ограничения на количество детей: не обозначенного на бумаге, но реально существующего. В Старом Свете семья со средним достатком не в состоянии даже просто прокормить десяток детей, не говоря уже о дорогостоящей одежде, обуви и прочем. Более того, после того как развивающиеся страны окунулись в «общепризнанные ценности», они тоже перешли к системе «айн киндер», и рождаемость на планете начала неуклонно и довольно быстро падать. Из десяти миллиардов населения стало сперва девять, потом восемь, сейчас – семь, но еще неизвестно, на какой цифре процесс убывания населения стабилизируется. И стабилизируется ли вообще.

Зато в Мегамире... Когда одной ягодой земляники можно накормить целое племя, то на ягодное поле сперва смотришь с тоской: добро пропадает, и привыкаешь не скоро, когда горы мяса ходят мимо жилища, которых не нужно ни пасти, ни разводить... эх!

Но главное, что в Старом Свете все уже окаменело, все железобетонно, все идеи устоялись, а все новое воспринимается в штыки. Любая нестандартная идея выглядит как покушение на устои общества. А здесь никому ничего не нужно доказывать, оправдываться, объяснять. Просто ушел подальше в Лес, нарожал детей и с чистого листа учишь их, как жить правильно. Сравнивать им не с кем. Диссиденты исключены в принципе...

Так что неожиданно и срочно потребовался огромный отряд географов. Брали даже студентов младших курсов. Заново составлялись карты географические, гидрологические, климатические, тектонические и прочие-прочие. За основу брались карты Старого Мира, но приходилось увеличивать в тысячи раз. Вскоре уже не десятки – сотни, а потом и тысячи географов

занимались составлением новых карт. Новая планета оказалась невероятно огромной, даже больше, чем если бы оказалась с Солнечную систему.

Глеб возглавлял группу географов-этнографов. Так значилось в дипломах, хотя злые языки говорили, что составляют политическую карту мира. Сегодня наносят на карту местонахождение племен, в будущем будут уточняться границы между ними!

Границ пока что не существовало: племена отстояли друг от друга настолько далеко, что даже в странствиях не подозревали друг о друге, но ведь племена стремительно множатся, разрастаются, превращаются в народности, народы. Еще шагоч – возникнут новые нации!

Не все новые племена принимали географов. Даже на контакты соглашались немногие. Особенно непросто бывало с кочевниками. Для них у географов имелся целый ряд механических микробов, то есть микроскопических роботов. Незаметно внедряли в посуду, цепляли к одежде, оружию. Конечно, посуда билась, одежда изнашивалась, оружие ломалось... Когда из десяти сигналов оставались один-два, к племени снова вылетали на орнитоптере географы, везли подарки. Неприятно пораженный вождь с кислой миной принимал подарки, угощал, а втихомолку клялся, что на этот раз так запутают следы, что не только мягкотелые – сами боги не отыщут!

Потерь племен почти не было. Если не считать первых контактов, когда микробов помещали в подарки. Вождь Ааааа додумался выбросить их в ближайшее болото, а демографы в статистическом Центре нанесли на карту племя, внезапно перешедшее к оседлому образу жизни. Так потеряли еще ряд племен, пока на вооружение не пришли микробы нового поколения, что передавали даже картины.

В прошлый рейд Глеб Дубов нанес на карту племя Экстрасенсов. Название гордое, грозное, обещающее, но взятое авансом. Каких-либо «экстра» еще не обнаружили, а то, чем похвально, легко объяснялось ортодоксальной наукой. Конечно, ряд племен бродяжников, давно оторванных от цивилизации, обнаружили повышенную чувствительность, изменился диапазон звуков, но ведь даже в Старом Мире знают о бабочках, что находят друг друга по запаху за два-три километра!

Но фанатики парапсихологии, конечно же, находили все то, что так тщетно искали в Старом Свете. Многие уже видели НЛО соответствующих размеров, обнаруживали на подмосковных лужайках остатки древнейших цивилизаций, наскальные рисунки с изображением инопланетян...

Если в Старом Мире чудаки пробовали говорить с дельфинами, они-де мудрее людей, только стесняются, то здесь набор оказался неизмеримо больше: муравьи, термиты, пчелы, осы... Одни установили контакты с тлями, другие частично дешифровали язык богомоллов – удивительных существ, с проблесками высочайшего интеллекта, безусловно деградировавших потомков звездонавтов из другой метagalактики...

Маги и сатанисты обнаружили, что здесь легче проникать в потусторонний мир, нашли духов и призраков – таких же по величине, йоги открыли для себя богатые возможности, поспешили объявить, что йоги высших рангов и раньше посещали Мегамир, есть упоминания в древних книгах...

В первое столетие в Мегамир через переходные камеры пропускали лучших из лучших. Отправка каждого обходилась в два-три миллиона долларов, или полмиллиона червонцев, не до слесарей или плотников – доктора наук, лауреаты, академики сами слесарили, паяли, подметали. Но когда со станции К-24 бежали супруги Полянские, то социологи были единодушны: получится в Лесу или не получится Великая Польша «от можа и до можа» – вопрос спорный, но племя дикарей возникнет точно, если не погибнут. Лауреатство и членство в иностранных академиях не спасет детей этих блестящих кристаллооргаников от одичания. Внуки будут знать еще меньше, а правнуки?

Дубов смотрел на спину Влада. Этот вовсе из племени, которое не нанесено на карты! Правительства Земли стремятся держать жесткий контроль над станциями, но их слишком много, даже среди проверенных и перепроверенных людей бывают срывы. Двадцать лет работает человек как машина, все поступки можно вычислить наперед, но вдруг бросает все, уходит в Лес «жить простой натуральной жизнью». Ладно, у нас свобода выбора, но детей своих, рожденных уже в Лесу, зачем лишать такой свободы? О Старом Мире знают только то, что скажет и как скажет отец. Если скажет вовсе!

К какому все-таки племени принадлежит Влад?

Ксеркс внезапно остановился. Да, в том мире и сам ксеркс не остановился бы так резко: собственная масса проташит вперед, а тормозной путь зависит не только от скорости, но и от массы. К счастью, в добром Старом Мире не могут существовать такие громадные муравьи с их трахейным дыханием.

Глеб спрыгнул вслед за Владом, снял Ковальского. Тот открыл глаза, растянул губы в слабой улыбке. Дубов сказал торопливо:

– Через два часа будем на Станции!.. Потерпи. Наш проводник дает отдых своему шестиногому... топтеру.

Ян опустил веки, лицо расслабилось. Кася спрыгнула, стараясь оказаться как можно дальше от страшного зверя. Ее едва не унесло за деревья. Ксеркс провел сяжками по броне-спине, проверяя, не осталось ли кого, стремглав умчался в заросли.

Варвар неуловимым прыжком, почти не отталкиваясь, взвился над землей. В руках блеснул арбалет, ноги точно опустились на край верхнего листа дерева. Покачиваясь, он держал равновесие, осматривался, окруженный танцующими цветными точками спор, пыльцы и неотличимых от них бактов, так же легко спрыгнул. Арбалет все время держал наготове, Глеб видел напряженные мышцы, готовые в любой миг высвободить жуткую энергию.

Воздушные течения чуть снесли в сторону, но опустился на обе ступни он так же устойчиво, не качнулся. Лицо было неподвижным, крупные глаза эльфа смотрели совсем не по-эльфячьи холодно и пристально.

– У нас кончилась вода, – сказал Глеб пересохшим голосом. – Ты... чем пополняешь потери?

Влад взмахнул левой рукой, держа арбалет в правой. В толстом стволе дерева рядом с Глебом треснуло. Зеленую кору начало разворачивать внутренним давлением скопившегося сока. Выступил шарик, быстро раздулся, заблестел под солнцем. Глеб поспешно припал ртом. Похоже, корни дерева опускаются глубоко, осмотическое давление гонит вверх воду чистую, восхитительно прохладную, взбадривающую.

– Кася! – крикнул он, оторвавшись с великим трудом, когда отяжелело все тело. – Видишь, как просто? Захвати фляги.

Кася принесла посуду, на которую Влад посмотрел с глубоким презрением, буркнула, отводя взгляд:

– В прошлый раз я тоже так... Точно такое дерево! Горько-соленый раствор!.. А Шубин чуть не отравился.

Глеб развел руками, чувствуя, как они разбухли, утолщились:

– Нам еще много предстоит узнать. Это мир Влада.

Кася оглянулась на широкоплечего дикаря. Тот выхватил из щели между смыкающимися желто-зелеными листьями нечто верещащее, похожее на голую овцу, разорвал пополам, умело вырвал пригоршней внутренности. Кася поспешно повернулась к Глебу, ухватила за горло. Ее глаза стали величиной с блюдце.

Глеб с огромным трудом заполнил обе фляги, это выглядело так, словно пытался затолкать в тюбик уже выдавленную пасту. На этот случай фляги делались эластичными, нужно

всего-то сжать как следует, а затем поднести горлышком к капле жидкости, но на практике это получалось не у всех.

Кася с бледной улыбкой следила за его манипуляциями. На Станции их снабжали уже заправленными тюбами. Глеб с сомнением посмотрел на темнеющее небо:

– Дождя не будет?.. Для нас это катастрофа. Но Влад должен знать... Вообще-то в нем немало странностей.

– Много, – согласилась Кася охотно.

– Тебе тоже показалось? – оживился Глеб. – В чем?

– Держится надменно. Не дикарь, а прямо наследный принц!

Глеб махнул рукой:

– Гордая осанка для дикарей привычна. А наследным принцем может оказаться вправду. В племени всего десяток душ, а он – сын вождя! Вот тебе и наследный принц, будущий король, император, хан, падишах, магараджа! Странно другое. Он ни минуты не сидит без дела.

Она озадаченно подняла высокие брови:

– Ну и что?

– Эх, Касенька... Дикарь живет в равновесии с природой! Лежит на солнышке, загорает, спит. Проголодается – взберется на пальму за орехами. Или за бананами. Или за тлей, как в Мегамире. Опять спит, совокупляется, пляшет, отдыхает... Настоящий дикарь умрет при одной мысли, что надо работать!

Кася украдкой покосилась на варвара. Закончив с бедным зверьком, он быстро сложил арбалетные стрелы в оотеку, заботливо осматривал вернувшегося ксеркса, выбирал колючки из щетинок лап, выковыривал из сочленений присосавшуюся плесень. Ксеркс присел, став похожим на гигантскую сколопендру, выгибался всем телом, скрипя броней склеритов, усердно вылизывал огромным шершавым языком хозяина, старался лизнуть лицо, тот отбивался локтями.

– Это просто инстинкт, – заявила Кася сердито. – Просто инстинкт!

ГЛАВА 6

Когда деревья остались позади, ксеркс выметнулся на странный простор, где все огромные камни показались Владу вбитыми в землю неведомой силой. Ровная как стол площадь уходила в далекую стену Тумана. Ксеркс не замедлил бег, вскоре стена Тумана изогнулась и превратилась в широкое кольцо, а ровная площадь по-прежнему одинаково уходила во все стороны.

Глеб радостно вскрикнул, а Кася задержала дыхание. Она все так же держалась за варвара, убедив себя, что просто сомкнула пальцы на том месте, где у человека живот, а у этого чудовища – склериты, широкая спина закрывала обзор, хотя прятаться от ветра и всяких летящих в лицо бактов очень удобно...

Впереди из стены Тумана выступил и помчался навстречу огромный ярко-красный купол, покрытый черными треугольниками. Был он огромен и производил впечатление чудовищной мощи: литая металлическая шапка немыслимой толщины, края уходят в почву на неведомую глубину, дверь... если то дверь, крохотная, неудобная, зато с такой легко отбиваться...

Кася радостно взвизгнула, ее руки с силой сжались на груди Влада. Ксеркс замер, превратившись в грозную, несокрушимую статую. У плеча дикаря блеснул отполированный приклад арбалета.

– Не надо! – вскрикнул Глеб срывающимся голосом. – Мы не враги. Ты спас наши животы. Мои соплеменники тебе рады, благодарны!

– Да? – спросил Влад с грозными нотками сомнения. – Похоже, люди твоего племени спешно готовят группу захвата, потрясают копьями.

Глеб невольно представил себе профессуру, исполняющую ритуальные танцы и потрясающую копьями, сказал торопливо:

– Нет-нет, они даже не охраняют Станцию. Работают, заняты, о нашем прибытии даже не знают!

Влад опустил арбалет, голос его звучал грозно и уверенно:

– Взломаем двери твоего фигвама!

– Такие двери не взломаешь.

Варвар улыбнулся пренебрежительно, он-де не знает таких дверей, похлопал ксеркса по литой броне. Другая рука не отпускала рукоять огромного боевого топора, к которому Глеб присматривался давно, не понимая, как он может служить в Мегамире, где почти нет тяжести.

Влад шелохнулся, ксеркс медленно двинулся к яркому куполу. Грозные жвалы раздвигались до отказа, из живота выстреливались струи возбуждающего запаха. Сяжки подрагивали, щеточки судорожно трепыхались, стараясь определить нечто новое. Глеб чувствовал, как под ним напряглись чудовищные пучки мышц.

Станция приближалась, приближалась, огромный красный купол закрыл почти полнеба. Кася не выдержала, с ликующим криком соскочила, некрасиво упала на камни, но тут же подхватила и понеслась к едва заметному квадрату двери. Глеб застыл: страшно, что в самый последний миг, когда уже все беды позади, судьба нанесет жестокий удар...

Острые стрелы на коленях Влада смотрели в спину убегающей девушки, но палец его на спусковом крючке не двигался. Мир по-прежнему заполняли запахи, звуки, но Станция в его восприятии словно бы выпала из знакомого мира – ни звука, ни запаха, а по вибрации почвы составить картины пока не мог: чересчур странная, непонятная дрожь, толчки.

Глеб видел, что варвар нервничает, хотя лицо из всех сил держит каменным, воин не смеет выказывать страха – тогда он погиб. Хуже того – перестанут считать мужчиной. Ведь он мог решить, что группа захвата могла замаскироваться особенно тщательно... или приме-

нили отвлекающее оружие, о котором он не знает. Или поставили забивающий запах... или поглощающий.

Кася с размаха ударилась о дверь. Ее отшвырнуло, подхватила на ноги, подбежала, потрогала странные символы, нарисованные возле четырехугольной щели. Дверь распахнулась внезапно, Кася влетела вовнутрь, исчезла. Щель разом закрылась. Влад нахмурился, поудобнее взял арбалет.

– Не надо, – проговорил Глеб просяще, в нем разрастался сильнейший страх, что в последний момент произойдет что-то ужасное. – Мы твои друзья, поверь!

Он не двигался, даже отвернулся от Станции и склонился над Ковальским – тот постанывал в забытии, пусть подозрительный дикарь не дергается, все-таки палец со спускового крючка арбалета не убрал.

Дверь распахнулась, за Касей выбежала толпа нелепейшего народа. Бледные, худые, в красных защитных комбинезонах, безоружные мужчины даже без обязательных поясов с ножами.

Ксеркс мгновенно присел, готовясь к броску, жвалы раздвинулись до хруста. Влад прицелился, Кася резко остановилась, увидев широкое острие стрелы, но ее обогнали, не поняв, бежали, пока не прозвенел отчаянный вопль Глеба:

– Стойте!.. Даже не думайте шевельнуться!

Крик был настолько страшный, отчаянный, что замерли все. Глеб видел, как глаза сотрудников округляются в изумлении. Кое-кто попятился. Глеб заорал, срывая голос:

– Кася, почему не объяснила?.. Идиоты!.. Чуть было не... Соколов, вам вверено!.. Слушайте все! Это наш друг и спаситель, великий воин своего доблестного племени – Влад! Он спас нас, мы должны принять с надлежащим почетом и знаками... э-э... почтения!

В толпе возник быстрый говор, кто-то попятился. Вперед нерешительно выступил высокий худой мужчина с резкими чертами лица, бледный, с нездоровой кожей и глубоко сидящими острыми глазами:

– Э... я вождь этого глупого племени, Великий Воин!.. Мы рады, счастливы... Будь нашим почетным гостем... и по нечетным тоже... Глеб, я все верно говорю?

Глеб с облегчением выдохнул воздух, чувствуя, что Влад чуть расслабил мышцы. Внизу под ними хрустнули склериты, стянутые в комок, – это ксеркс решил последовать примеру людей и чуть-чуть расслабил мускулы. Один Хоша не терял бдительности, грозно скрипел мандибулами и рассматривал всех чужих исподлобья.

Глеб громко и торжественно обратился к Владу:

– Мой народ приветствует тебя! Ты спас, хотя с моей стороны и нескромно, дорогих для них людей... а также пани Касю, в миру Катерину, принцессу нашего племени!

Среди собравшихся поднялись вверх руки, показывая пустые ладони. На лицах появились улыбки, послышались возгласы: «Исполать», «Ласково просимо», «Вэлкам».

Влад решил опустить арбалет. Толпа колыхнулась, люди начали обтекать грозного ксеркса, взяли его на почтительном расстоянии в кольцо. Враждебного запаха Влад не уловил, только страх, смешанный с радостью, и еще странноватый запах, в котором угрозы не было, но Влад насторожился, велел себе непременно определить, понять значение.

Он передал арбалет опешившему Глебу, быстро снял липучки с Ковальского, подхватил его на руки. Никто не успел ахнуть, как он с Яном на руках мощно толкнулся от панциря ксеркса – тот даже качнулся, взвился в воздух.

Никто не предполагал, что варвар в состоянии прыгнуть так далеко. Описав длинную дугу над головами собравшихся, он упал прямо перед раскрытой дверью. Ученые опомнились, заспешили следом. Со всех ног бросилась вслед за Владом Кася. Ее опередил ксеркс: одним молниеносным рывком оказался подле Влада, распугав народ. Влад перешагнул порог Стан-

ции, раненый на руках, ксеркс с готовностью сунулся следом. Дверь оказалась узковата, могучий зверь втиснулся с трудом, разом закупорив огромным телом.

Ковальский на руках Влада закусил губы. В глазах была боль, смешанная с облегчением и странным для Влада весельем.

– Прямо, – прошептал он. – Теперь направо... Во-о-он та дверь, где нарисована змея, что обвилась вокруг чаши... Ну, змея – это такой худой червяк...

Влад добежал до двери с нарисованным уродливым безногим плексом, занес ногу для пинка. Дверь распахнулась сама, открыв просторную пещеру, заполненную вдоль стен богатым шаманским оборудованием. К ним повернулся, недовольно морщась, низенький человечек. Он был без скафандра, с белой непрочной кожей, слабый, с запасами мягкого жира, словно у молодой мухи. Глаза человечка полезли на лоб, рот распахнулся для истошного вопля.

– Сергей Аполлонович, – сказал Ян затихающим голосом, – принимайте пациента... костоправить...

Он затих, а человечек, нервно поглядывая на неподвижного Влада, опасливо приблизился, заглянул в лицо Ковальскому, приподнявшись на цыпочках. Влад протянул ему раненого. Человек пугливо выхватил и бегом отнес к дальней стене, уложил на шаманский стол. Он часто оглядывался на незнакомца, вздрагивал, но руки заученно метались по рядам полок, словно жили сами по себе, выхватывали острые иглы зловещего вида, ножи, провода. Вскоре неподвижный Ковальский весь был опутан присосками, похожими на нижние членики мух, паутиной, липкими широкими лентами, от которых струился гадостный запах.

Человечек все реже оглядывался, заметно расслабился, но внезапно снова застыл, глядя широко распахнутыми в смертельном ужасе глазами. Из омертвевших пальцев выскользнула длинная игла – падала медленно, как и все вещи в Мегамире, но человечек, служитель червяка на чаше, даже не попытался подхватить на лету, его выпученные глаза таращились на нечто ужасное за спиной Влада.

Влад молниеносно развернулся, выхватывая из-за пояса нож и бросаясь ничком. В распахнутую дверь пытался протиснуться Головастик. Проем позволил просунуть полморды, ту самую половинку, где были длинные и изогнутые, как серпы, зазубренные жвалы. Хитин скрежетал, Головастик не оставлял попыток все же втиснуться, металлические стены начали подрагивать.

– Это местный шаман, – сообщил ему Влад. – Поприветствуй!

Головастик протянул сяжки. Длинные, жесткие и в то же время гибкие, они легко дотянулись до противоположной стены. Лекарь застыл, зажмурился, даже приподнялся на цыпочки, когда эти сяжки, похожие на бамбуковые удилища с жесткими металлическими щеточками, деловито ощупали, начиная с подошв, бегло прошли по огромной комнате, роняя посуду и ритуальные вещи неясного назначения.

Из коридора донеслись приближающиеся голоса, топот. Выделялся звуковой тенор Каси, другие голоса были истерические, визжащие. Головастик по-прежнему загораживал дверь в комнату шамана. Внезапно на полу между ногами Головастика появилась голова Глеба – красный от натуги, он прополз, прижимаясь брюхом, ибо ксеркс сам присел в тесноте едва ли не к полу. В операционной Глеб поднялся на ноги, вскрикнул:

– Обошлось?... А то все уже... Влад, вы хоть советуйтесь!

Влад ответил гордо, в голосе было негодование:

– Я советуюсь! С обоими.

Глеб покосился на невозмутимого Хошу, что сел поудобнее прямо между сяжками, надулся и вздыбил жесткую панцирную спину. Глеб взглянул на злорадно оскалившего жвалы ксеркса, вздохнул, спросил быстро:

– Как с Ковальским?

Лекарь ответил слабым голосом, тот прерывался временами так, что этот трусливый человечек только беззвучно шевелил губами и разевал рот:

– Будем надеяться, что привезли вовремя... Но эти чудища, Глеб Иванович? У меня руки трясутся, будто я по ночам кур крал! А где тут куры?

Глеб сказал быстро, настойчиво:

– Сергей Аполлонович! Великий Воин и величайший Охотник спас наши жизни. Без него нас бы и тли забодали. Кстати, он хорошо понимает нашу речь. Разумеете?

Человечек бросил робкий взгляд на неподвижного Влада, промямлил:

– А-а-а.. понятно... Первобытная община?

– Скорее раннее Средневековье. Но есть странноватые отличия.

– Это немудрено, – вздохнул человечек.

Он оглянулся на Ковальского, там пахло сильно и остро, вспыхивали огоньки, что-то булькало, похрюкивало, сказал с видимым усилием, ломая в себе панический страх:

– Великий Воин, мы ра-а-ады... Глеб, надеюсь, ты знаешь, что творишь... Узнай, где расположено его племя, да отпусти поскорее... Отдыхайте, Великий Воин и величайший Охотник, а потом... гм... пир в твою честь, половецкие пляски и жертвоприношения – это по части Глеба, вот он стоит.

Бросив на Глеба злорадный взгляд, поспешно вернулся к Ковальскому. Огоньки разгорались, требовательно зазвенело. Ковальский внезапно выругался, выныривая из забытья: из вены в левой руке уже торчала огромная игла. По ней опускалась желтая жидкость, раздувая руку, наполняя ткани. Шаман склонился над ним с другой полой иглой, еще толще, длиннее.

Глеб повернулся к Владу:

– Пойдем. Дадим удобную комнату, накормят самой лучшей едой, дима тоже устроим, накормим, не беспокойся.

– Сперва дима.

Глеб наклонил голову:

– Требование Великого Воина понятно. От наших коней зависят наши шкуры.

Влад ответил с презрением:

– Мы, сильные и старшие, должны заботиться о меньших братьях не ради их пользы для нас!

Глеб опустил глаза, варвар подал урок. Правда, трудно рассмотреть в огромном страшном ксерксе, самом опасном муравье-хищнике, малого братца. Да еще такого, который пропадет без помощи! Но все-таки, все-таки...

– Я потом вернусь, – сказал Глеб шаману. – Когда устроим наших гостей. У меня, знаете ли, нога сломана... Да и не только нога...

Шаман ахнул:

– Так чего же вы?... Немедленно на стол!.. А я смотрю, перепачкались клеем...

– Не могу, – ответил Глеб. – Наш гость из неизвестной общины. Никто не знает, какие у них обычаи, а я единственный, если не считать Касю, с кем он в контакте. Да и надо, знаете ли, показать Великому Воину, что боль умеем переносить даже мы, белые беспомощные червяки!

Головастик попятился в коридор – там закричали испуганно, придушенно. Глеб вывел Влада из операционной, повел по коридору. За ними громко стучал когтями Головастик, он занимал коридор от стены до стены, не давая обогнать себя. Глеб крепился, но всякий раз подпрыгивал, когда сзади на плечи падали жесткие усики, пробегали по голове, ушам, спине. Сломанная нога ныла, обезболивающее уже не воспринималось, организм притерпелся.

Впереди снова послышался топот. Навстречу неслись два запыхавшихся человека. Влад сообразил, что не в силах обогнать Головастика, они пробежали по кольцевому коридору с другой стороны.

Варвар опустил ладонь на рукоять ножа. Глеб вскрикнул:

– Не надо!.. Они спешат первыми приветствовать тебя, Величайший из воинов. Это же начальник Станции, он же Верховный Вождь, Соколов Иван Иванович, рядом с ним – Семен Муравьев, его сенешаль, паладин, визирь...

Первый, которого он назвал Соколовым, взглянул острыми, как шипики на спине Хоши, глазами, вежливо, но нехотя поклонился. Это был тот же человек, который встретил их, его Глеб назвал Соколовым. Был он высок, совершенно лыс, такой же бледный и беспомощный, как остальные. Но в нем чувствовалась некая мощь, властность, а держался сдержанно и с достоинством. Лоб его уходил высоко вверх, голова была похожа на яйцо тенгрика, такая же блестящая, без малейших признаков волосков.

Второй, который Семен, поклонился гораздо ниже, едва не упал, дышал от быстрого бега тяжело и часто. Влад коротко наклонил голову, убрал ладонь с рукояти ножа. Его ноздри бешено раздувались. Здешные запахи смешивались, здесь почему-то гулял ветерок, странный, неживой, а это тревожило, как все непознанное.

Соколов проговорил строгим сильным голосом:

– Великий Воин, мы благодарны за спасение знатных людей благородного происхождения... гм... из рода хомо сапиенс. Мы – друзья. Глеб проводит гостя в покои самых знатнейших особ, а ксеркса... Глеб, прости, но, кроме тебя, к этому страшилищу никто не знает, как подступиться... Потерпи чуть, потом наш костоправ займется тобой вплотную. Этого зверя в склад бы спровадить, а?

Глеб покосился на застывшего в надменном молчании варвара, сказал подобострастно:

– Влад, твоего славного дима надо отвести в... зал для почетных димов. У нас в племени народ простой, всякие там академики, профессура, доктора наук... Милого дима побаиваются, серость! Он им почему-то кажется страшноватым, представляешь?

– Дикари, – буркнул Влад.

– Точное слово! – обрадовался Глеб. – Как истый сын природы, ты сразу нашел емкое и точное определение моих соплеменников. Дикари!.. Даже дикари-с!

Соколов посмотрел на одного, на другого, чему-то вздохнул, сказал тяжело:

– Зал уже готовят. Я послал... этих... рабов!

Влад кивнул, держа взглядом лицо Соколова. Да – умные глаза, высокий лоб, выдвинутая челюсть, в движениях сквозит тщательно скрываемая сила, говорит коротко и точно. Кем бы ни был этот вождь, но он не глуп и не трус. И что-то скрывает.

ГЛАВА 7

Из склада в спешном порядке выволакивали ящики, рулоны, пакеты. Когда ввели Головастика, сотрудников выдуло как механическим ветром. Влад уже понял, откуда это странное движение воздуха: под куполом мерно поворачиваются широкие крылья, засасывают воздух снаружи, пропускают через множество сеток с мелкими ячейками, убивают в нем все живое, а затем другие крылья придают потоку воздуха ускорение...

Дим сразу обшарил опустевшее помещение вдоль и поперек, попробовал рыть – пол оказался из особо прочной стали, стены тоже не поддавались жвалам, а на гладком, как поверхность озера, потолке не осталось даже царапин.

Влад гладил Головастика, успокаивал. Хоша прыгал на голове дима, возмущался. Влад развел руками: он понимал зверей, что не хотят жить вдали от воды. В их мире вода должна быть близко. Если не в земле, не на листьях, то в самих листьях или стволах деревьев. Чтобы от первого же удара по дереву выступала восхитительная капля сока – прохладного, живительного.

– Это недолго, – уверял он. – Потерпи...

Дверь в склад отворилась, из коридора шагнул Семен Муравьев. Сенешаль и визирь, как его называли. Этот сенешаль держал обеими руками огромный чан. Почти вываливаясь, над чаном колыхалась капля янтарного цвета, едва удерживаемая ППН – пленкой поверхностного натяжения.

Головастик повел сяжками, одним стремительным рывком оказался перед Семеном. Тот замер, но чан не выронил, проговорил дрогнувшим голосом:

– Но-но, зверюка! Не так быстро, мебель поломаешь. Это все тебе, Глеб не отнимет.

Глеб негодуя фыркнул. Головастик припал широкой пастью к блистающей капле. Сладкий запах усилился, потек густыми волнами. Сяжки быстро пробежали по лицу сенешаля и визиря, тот осторожно опустил чан на пол. Ксеркс жадно втягивал в себя лакомство, капля уменьшалась на глазах. Человек осторожно погладил могучего зверя по лобастой башке. Пальцы задержались на швах, ощупывая, визнавая, угадывая глубину, расположение ганглиевой сети.

Влад смотрел одобрительно: человек, которого звали Семеном, дима побаивается, но исследователь в нем оказался сильнее. Семен, ощутив на себе взгляд, повернулся:

– Меня зовут Семеном. Уже запомнил? А я вот сразу никогда имена не запоминаю... Я здешний химик. Люблю, когда хорошо едят... У тебя, Великий Воин, аппетит хороший? Желудок в порядке?

– Камень переварит, – сообщил Влад.

– Тогда ко мне? У меня есть не только камни.

От него шел запах дружелюбия, любопытства, сдержанного довольства. Был легкий страх перед димом, но такой страх Влад одобрял, ибо если дим нечаянно наступит огромной лапой или в раздражении схватит жвалами, то этот сенешаль, похоже, будет винить себя, что сротозейничал, не понял предупреждающих сигналов.

– Меня зовут Влад, – сказал он, протягивая руку.

Семен пожал ему пальцы с некоторым удивлением, явно этот обычай исчез, а Глебу советовал:

– Иди к Аполлону. Он уже наготовил для тебя клизм, припарок, промываний.

– Что с Касей?

– Спит без задних ног. Дергается, вскрикивает. Такое выкрикивает, такое...

– Что?

– Сам послушай. Не представляю, что вы с нею такое ужасное вытворяли?

Глеб виновато кивнул Владу, прощаясь, заковылял прочь из склада, иногда вовсе прыгая на одной ноге. Семен широким жестом указал варвару дорогу, поклонился: дима с Хошей устроили, теперь можно попробовать устроиться и самим.

Влад шел впереди, спину держал прямой, а плечи разведенными. По молекулам запаха, что просачиваются сквозь щели, мог с точностью определить, кто тайком наблюдает за ним, в полной уверенности, что его не видят: пол, возраст, вес, здоровье, реактивность и многое другое. Узнал, что мужчин здесь большинство, детей почти нет, а женщины странноватые, если не сказать о них хуже, что трудно для варвара. К своим двадцати пяти годам он привык, что от женщин при его появлении распространяется сильный зовущий запах. Все они раскрывались как цветы, его сердце в таких случаях стучало чаще, глаза блестели, а кровь раздувала гениталии. Здесь женщины почему-то смотрят со страхом...

В пещере Семена Влад ощутил, что за ним подсматривают по-прежнему. Он не обнаружил наблюдателей, но на всякий случай двигался замедленно, стараясь не напугать хозяина. Когда за ними закрылась дверь и они очутились вдвоем в закрытой комнате, Семен заметно подобрался, напрягся, Влад даже уловил запах страха, правда, слабый.

Гость сел на широкую доску, что шла вдоль стола. Двигая только глазами, рассмотрел длинные ряды полок с водяными шарами – мутными и прозрачными, легкими и вязкими, разноцветными... Многие растворы были в плотно закупоренных флягах.

Влад бросил понимающий взгляд на хозяина. Яды везде, похоже, хранят одинаково.

– Сейчас перекусим, чем боги... гм... боги Леса послали, – говорил Семен чересчур бодрым тоном. Он торопливо вытаскивал из больших корзин и швырял на стол ломти мяса, сушеные соки, выборки из сочных ягод. Запах страха испарился. – Извини, Влад... Ничего, что я упрощенно? Я не знаю твоих титулов. У меня их тоже как у сороконожки сегментов: доктор химико-технических наук, почетный член Лондонской и Харьковской академий наук, лауреат премии Евгения Пермяка... и так далее. Если все звания перечислить, голодным останешься, остальные гости – менее знатные – все пожрут, а ты оботрешься своим титулом.

– Не оботремся, Семен, – рявкнул Влад. Он молниеносно выхватил нож, ощутил толчок страха со стороны хозяина, быстро нарезал мясо. – Благодарствую!

Семен перевел дух, взял ломоть, посыпал солью, оранжевой пылью, мазнул желтой пастой. Влад откусил, прожевал, со следующим куском повторил все движения Семена. Прожевал, вскинул на Семена глаза:

– Сам делал?

– Сам, – признался Семен сокрушенно. – Что делать, поесть люблю.

– Хорошо, – одобрил Влад. – Женщины так умеют?

– Есть? Еще как!

– Нет, готовить.

– Куда им, – ответил Семен пренебрежительно. Взглянув в суровое лицо, добавил торопливо: – Наши обычаи могут показаться странными. Женщины готовят, когда хотят. Но даже когда есть желание, то умеют... не очень. Кася, сам знаешь, принцесса, а с принцесс какой спрос? Другие женщины готовят еще хуже.

Влад с удовольствием сжевал третий кусок, намазав специями еще гуще, буркнул:

– У нас тоже. Мужчины готовят намного лучше. Если хотят, конечно.

Семен вздохнул, чувствуя, как покидают последние остатки напряжения:

– Ты меня понимаешь. Мужчина должен есть хорошо, верно?

Влад окинул его одобрительным взглядом:

– Ты отличаешься... от остальных.

Ковальский, как было объявлено вскоре, в тяжелом состоянии, но выкарабкается непременно – на операционный стол попал вовремя. Глебу зафиксировали кость, накачали болеутоляющим другого состава, так что походный вождь уже с утра прыгал на одной ноге по Станции, ругался с механиками, разбирал на части два оставшихся орнитоптера, выискивал дефект, который привел к катастрофе.

Влад выпустил, несмотря на протесты, дима на охоту. Тот совершил несколько кругов вокруг Станции, запоминая дорогу, сунулся в дверь, проверив память и перепугав до полусмерти двух женщин, затем умчался в Лес. Техники спешно устанавливали на входной двери сигнализацию. Открытой держать нельзя – бактерий набьется столько, что не уничтожить, а закрытая сама должна раздвигаться в момент касания ее сжатками огромного ксеркса.

Влад неспешно прогуливался по коридору, который опоясывал Станцию. Нож и арбалет оставил в комнате у Семена, сенешаля и визиря, дабы никого не пугать. Недоумевал, почему все так же шарахаются, к тому же с ужасом смотрят ему на плечо, где сидит, сладко позевывая, сонный Хоша.

Двери в лаборатории часто оставались открыты настежь, он останавливался у порога, наблюдал, шел дальше. Двигался хаотично, как броуновская частица, однако его чуткие уши уловили многозначительное замечание их Верховного Вождя Соколова, что в прогулках их гостя чувствуется некая система.

Странно, но к нему привыкли уже к середине дня. По крайней мере, перестали вздрагивать, видя огромную фигуру, закованную в прочный эпителий, почти что кутикулу. Правда, в присутствии грозного варвара старались не делать опытов с мощными разрядами, взрывами, хлопками.

Обеспокоенный Соколов вызвал Глеба:

– Пора его одарить и отправить восвояси. Ну там цветные бусы, огненная вода... Если еще не набрали для него подарков, то хотя бы зафиксируйте на месте. Его, не подарки. Я все-таки опасаясь инцидентов.

Глеб, бледный и осунувшийся, но уже бодрый, прошелся по кабинету. Он сильно припал на больную ногу, но даже не морщился, в Мегамире вес почти не играет роли.

– Посадить под замок?

– Займи чем-нибудь.

– Чем можно занять варвара?

– Чем угодно, – повторил Соколов раздраженно. – Ты посмотри на него! Посмотри!

Сквозь раскрытую дверь был виден большой зал, работающие компьютеры. Перед самым большим дисплеем неподвижно застыл варвар. На его плече горбился муравьиный кузнечик из подсемейства бусей. На экране шла пляска кривых цветных контуров, в стремительном темпе сменялись колонки цифр.

– Что он понимает? – спросил Глеб с удивлением. – Примитивные народы не узнают даже рисунков. Для них это просто цветные пятна... Посмотри, с каким вниманием смотрят оба!

Хоша тоже замер, втянув голову. Крупные глаза не отрывались от цветных огоньков, а когда мелькали красные искры, весь напрягивался, подгребал прыгательные лапы и прижимался к плечу.

– Компьютер этого класса стоит миллионы, – сказал Соколов раздраженно. – Собирали три месяца! А если этот бронебойный дракончик шарахнется в экран? Что он там узрел, не пойму.

Глеб заметил:

– На складе остались еще три. Расконсервируем один? Пусть гоняет по экрану электронных жуков или богомолов.

– Думаешь, удастся обучить хотя бы простейшим играм?

Глеб угрюмо кивнул:

– Обоих не берусь, а кого-то из них одного...

Простейшей компьютерной игре Влада обучала Кася. Он проявлял к девушке повышенный интерес, это заметили все, хотя варвар старался держаться нейтрально и невозмутимо. Соколов сам велел именно ей показывать, какие клавиши нажимать. Мотивировал тем, что мужчине гордый сын Леса подчиняться не станет, а женщина... женщина – не человек.

– Что вы этим хотите сказать, Иван Иванович? – спросила Кася ледяным голосом.

Соколов удивился:

– Только то, что сказал! С развитием цивилизации шло раскрепощение женщины и уравнивание ее в правах с мужчинами. А в примитивном обществе любая женщина – ценность, которую нужно беречь, ибо она – дар богов!

– Серьезно? – удивилась она. Посмотрела с подозрением: – Что-то не понимаю... Что за мушкетеры такие...

Он поморщился:

– При чем здесь мушкетеры? Женщина, в отличие от мужчины, способна рожать. То есть она способна делать все то, что и мужчина, но помимо всего еще и рождает, что для племени немаловажно, как вы понимаете... Потому в примитивных племенах женщина поставлена чуть ли не в ранг младших божеств. Их оберегают, не сердят, а то ведь ребенок получится уродом или трусом... Словом, от вас он стерпит больше, чем от любого из нас!

Кася с недоверием покосилась на варвара. Тот переходил от стола к столу, рассматривал приборы.

– А Глеб такое знал?

– Не знаю, – удивился Соколов. – А что?

– Убью, – пообещала Кася, – если знал и не сказал, когда я дрожала всю дорогу!

Соколов сам отправился к варвару, объяснил что-то. Кася видела, как он указывал в ее сторону, а варвар лишь однажды метнул в ее сторону огненный взгляд, тут же отвернулся.

Вскоре они подошли оба. Кася, как и положено принцессе, величественно ждала, не сходя с места. Соколов цветисто объяснил, что вот на таких тренажерах обучают молодых воинов, прежде чем выпустить их на подвиги, – Кася покажет, как это делается, – откланялся и пропал из виду с несвойственной для Великого Вождя поспешностью.

Он не видел, но видела Кася, какой взгляд бросил варвар ему в спину. Прикусила язык, надо бы придумать что-то поумнее, чем обряд инициации на компьютерах. Видно же по этим сгорбленным бледным людям, какие из них воины!

Дальше она объясняла назначение клавиш, сбивалась, злилась. Варвар слушал с непроницаемым видом. Все реакции – на нуле, кроме чисто мужской на ее внешность, а эту реакцию, тщательно скрываемую, она все же уловила. И с мстительной радостью то широко распахивала глаза, а они у нее удивительно чистые и красивые, то поворачивалась так, чтобы он мог лучше оценить достоинства ее фигуры, щебетала особенно зовуще, воркующе. Но все равно не могла угадать, понял ли что-то из ее объяснений. Вряд ли, подумала рассерженно. Слишком силен, крепок в плечах. А где сила, там уму могила.

Влад не позволил мышцам лица сдвинуться, но на принцессу взглянул с новым интересом. Он как раз думал, глядя на прелестное личико, что она слишком красива, чтобы быть еще и умной: Сварог в одну сумку два дара не кладет. Красота есть – зачем еще ум? Красота выше ума, ум развивает сам человек, а красота – дар богов!

– Хоть что-то понимаете? – спросила она ядовито.

Влад кивнул, удержался от соблазна объяснить, что ему, выросшему в Лесу, запахи говорят очень-очень много. И многое уже сказали. Впрочем, глуп тот охотник, который выкладывает сразу все козыри. Тем более без пользы показывает все свои возможности.

– Тогда за дело?

– Покажи, – попросил он.

– Ну, – сказала она с достоинством, – ни одна женщина в эти... это не играет! Это дело исключительно мужчин. Но я попытаюсь.

– Мужчин? – переспросил он. – Почему?

– Не знаю, – ответила она сердито. Не могла же вслух сказать то, что думает об этих безделушках. И тех людях, что тратят драгоценное время на такое никчемное занятие. – Есть ритуальные действия, которые под силу женщинам, но по освященной традиции ими занимаются исключительно мужчины. Например, в Старом Свете только они забивают «козла»...

Глаза дикаря неотрывно следили за ее тонкими пальцами. Кася гоняла искусно нарисованного муравья по экрану, за ним в трехмерном мире носился огромный богомол. Несмотря на резвость муравья, богомол умело отрезал путь к отступлению по стебелькам, листикам, методически загонял добычу в угол, где в конце концов и сожрал.

– Запомнил? – спросила она.

Влад кивнул.

– Тогда поймай сам.

Она освободила место Владу. Фигурки на экране застыли. Варвар нерешительно коснулся пальцем клавиши. Муравей на экране дернулся. Влад притронулся к другой клавише. Муравей начал слезать со стебля.

Несколько человек оставили работу, подошли. Влад не оглядывался: мог и так рассказать, кто из них что ел, у кого болит голова, кто перегрелся, кому пора восполнить воду, а кто готов бросить все и уйти хоть в Лес – так опостылела работа.

Кася с изумлением видела, что огромные сильные пальцы двигаются все быстрее и быстрее. Муравей заметался, богомол уверенно теснил, вскоре загнал в угол, схватил в зазубренные лапы, с хрустом разломил пополам. Картинка застыла.

– Слишком просто, – изрек варвар. – Глупо.

Кася взвилась, оскорбленная:

– Что глупо?

– Муравей не настолько глуп, – объяснил варвар снисходительно. – К тому же он бежит куда быстрее!.. Да и богомол... разве это богомол? Теперь мне понятно, почему у вас такие воины.

Он засмеялся, пошел по залу, останавливаясь за спинами сотрудников. Кася свирепо смотрела вслед. Видимо, при всем поклонении варварских племен к женщинам там правила этикета еще не возникли. Или Соколов что-то напутал, ведь он химик, а не специалист по древним культурам.

Спины сотрудников Станции, за которыми останавливался поглазеть на их работу Влад, сразу выгибались горбиками. По залу распространялся сильный запах, который, как с удивлением понял Влад, слышит и понимает только он.

К Касе, сильно хромя, приблизился Глеб. Вместе смотрели, как варвар передвигается по залу. Глеб признался:

– Не могу усидеть! Мы его привезли сюда, нам и отвечать... Кася, я наблюдал за ним. Он просто повторил все твои движения.

– Ты не ошибся?

– Я следил внимательно.

– Что у него за память?

– Дикарская. Первобытная. Вообще у неграмотных она намного лучше. «Илиаду» читали наизусть!

– У меня память хуже некуда, – пожаловалась Кася.

– Издержки цивилизации, – объяснил он. – Думаешь, у меня лучше? Мы все привыкли ее разгружать, перекладывая на бумагу, фото, киноленты, видео и магнитные диски, мнемо-

кристаллы... Современному человеку важнее не память, а умение ассоциировать, оперировать данными... Он же все повторил, как попугай!

Девушка закусила губу, задумалась. Сотрудники, что торчали возле игрового компьютера, постепенно разбрелись по местам. Кася сменила программу, нашла и привела варвара:

– Попробуй еще раз? Теперь муравья должен поймать паук!

Влад пристально посмотрел ей в глаза, помедлил, словно прислушиваясь. Четко вырезанные ноздри красиво раздулись. Паук на экране начал приближаться к муравью, но тот ускользал, паук же двигался хаотично. Вскоре в его прыжках наметилась последовательность, он теснил муравья, прижимал к стене, наконец загнал в угол...

Кася и Глеб затаили дыхание. Ноздри варвара расширились, затрепетали. Паук сделал еще пару прыжков, варвар искоса посмотрел на собравшихся, его пальцы, что зависли над двумя кнопками, тронули две другие. Паук глупо промахнулся в прыжке, упал с ветки. Время просрочил, его отбросило к началу игры.

Кася разочарованно вздохнула. Вначале желала неудачи надменному дикарю, потом отчаянно болела за него, такого беззащитного и одинокого на огромной Станции, заполненной компьютерами, приборами, промышленными установками. Она даже дыхание затаила, когда пауку осталось один-два прыжка. Глеб посматривал на нее с удивлением. Впрочем, был момент, когда он тоже начал было сопереживать варвару.

Тот еще несколько минут гонял паука на экране. Муравей ускользал, и Влад быстро потерял интерес к игре.

ГЛАВА 8

По совету Соколова это дитя природы и будущего императора оставили перед заинтересовавшим его дисплеем. Пусть смотрит скринсэйверы, красивых женщин, прочие картинки, лишь бы не шатался по Станции. Варвару явно нравится тыкать пальцем в кнопки, чувствовать себя способным вызвать новое изображение, сменить на другое.

Возможно, он старался понять, что же в этом находят остальные мужчины этого племени, что не ходят на охоту, не дерутся, не проводят время в бурных пирах. Или же считал, что принимает участие в неких ритуальных действиях, что придадут ему добавочную мощь и подчинят насекомых демонов?

К концу дня варвар наткнулся на ключ, позволяющий подключаться к банку данных. Весь вечер тыкал пальцем, не сводил глаз с экрана – там сменялись картины, чертежи, графики, статистические данные, топографические карты. Глеб был доволен: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не слонялось по Станции, пугая развитой фигурой и свирепым видом. Зато Касю это бесило. Сидит как богомол в засаде, забавляется сменой цветных пятен. Или считает себя великим магом?

– Великий Воин, – спросила она наконец. – Ты, конечно же, вообще величайший из воинов, я в этом не сомневаюсь... но что ты видишь на экране?

Ей показалось, что дикарь прислушивается к чему-то, прежде чем ответить.

– Экран... Это что?

– Это... это вот это волшебное стекло!

– А что такое стекло?

Кася ткнула пальчиком в экран, успела подумать, что это не совсем стекло, давно уже не стекло, но для дикаря объяснение сойдет.

– Вот это волшебное окно. Или волшебное дупло. Ты по нему гонял муравья.

Он ответил мирно:

– Интересно. Очень.

– Ты хоть понимаешь, что видишь?

С легкой усмешкой, которая выводила девушку из себя, он откровенно разглядывал ее:

– Нет.

– Тогда зачем?

– А ты всегда смотришь только на то, что уже знаешь?

В словах Влада почудилась усмешка, хотя глаза, синие голубые озера, говорили о другом: они были чистыми, честными. К щекам Каси почему-то прилила кровь. Сам кажется прост, но вопросы задает такие, что сразу ответить на них непросто.

Головастик, следуя инстинкту, начал таскать на Станцию добычу. Места были ягодные, и могучий ксеркс через каждые одну-две минуты появлялся перед дверью. Его шарахались: в мощных жвалах обычно трепыхался зверь покрупнее самого охотника. Иной раз оставлял добычу прямо в коридоре, торопливо убегал за следующей. Сотрудники в панике разбегались – полузадушенная добыча начинала метаться, биться о стены, громить Станцию изнутри.

– Что делать, – говорил Глеб нервно, – муравьи – коллективисты. Пытаются накормить всех. Увидел, что запасиков у нас тютю...

– Как это тютю? – обиделся Семен, он по совместительству заведовал и продовольствием. – Странно от вас такое слышать, Глеб Иванович! Никакое не тютю. Еды на три месяца, не меньше!

– Но на зиму не хватит? Так чего хотите от бедного зверя? Торопится заполнить до холодов все кладовки.

– Бедный, – съязвила Кася. Ее плечики зябко передернулись. – Совсем несчастенький! А мы тогда кто? Иван Иванович, что будем делать с поисками?

Соколов сидел за рабочим столом, заваленным срезами тканей, вытяжками из хромосом, инструментами для операций на генах. Глеб сидел возле двери, время от времени с опаской выглядывая в коридор. Семен рассеянно перебирал колбы с растворами, смотрел на свет, вздыхал.

Соколов тоже вздохнул, сцепил и расцепил пальцы. Кожа на суставах растрескалась, шелушилась от ядовитых смесей, изменила цвет.

– Что делать... – повторил он. – Из-за того, что ваш топтер разбился, мы дали беглецам выиграть время. Они могли уйти очень далеко. Впрочем, отказываться от поисков нельзя. Они не просто опасные преступники, они... гораздо опаснее. Семен, распорядись позвать варвара.

Кася удивленно вскинула брови:

– Зачем?

– Есть идея, – ответил Соколов. Он улыбался, но глаза оставались грустными. – Сумасшедшая, правда... Что, если его нанять проводником?

Влад заботливо чистил дима, соскабливал плесень, вышвыривая в коридор – там уберут, а Хоша прыгал по спине могучего друга, обследовал на предмет вкусных клещиков. Он почти всегда отправлялся с могучим другом на охоту, но и там большей частью бесстыдно спал, вцепившись всеми шестью лапами и прижавшись к панцирю.

Влад еще издали почуял приближение невысокого краснощекого мужчины средних лет, а когда тот подошел к двери, уже ощутил по смеси запахов, мимики, которую эти тонкошкурные не умеют скрывать, что ему скажут и предложат.

– Эй, высокий гость! Тебя вызывает начальник Станции.

Влад повернулся с угрожающим видом. Ладонь звучно шлепнула по поясу, где в пальцы сразу скользнула рукоять ножа:

– Вызывает? Вызывают рабов или слуг вроде тебя!

Человек мгновенно отпрянул. Голос его затрясся, как паутинка на ветру, а краснощекость перешла в смертельную бледность:

– Прости, великий и трижды великий! Я человек простой, простодушный, доверчивый, наивный. Живем в глуши, Великих Воинов не видим, драконов не побиваем, куды уж до манер! Я хотел изречь, что наш Верховный Вождь будет счастлив видеть... лицезреть тебя на пиру, который дает в твою честь!

Влад спросил подозрительно:

– А кто ты сам?

– Я... гм... термокристаллограф первой гильдии, географ второго класса. Я провожаю к нашему вождю особо знатных императоров, королей и прапорщиков, они же завхозы-умельцы. Если, конечно, к нам забегают на огонек.

Влад понимал не все, но посыльный уже совладал со страхом, кланялся почтительно, говорил льстиво, глаза опускал. Влад велел грозно:

– Веди, серв.

Хоша недовольно застрекотал. Влад помахал ему, объясняя, что придется одному закончить чистку дима. Остались только голова, грудь и шесть лап с абдоменом!

Буся возмущенно взвизгнул, гигантским прыжком догнал Влада, брякнулся ему на плечо, вцепился лапами, прижался теплым пузом – один густой мех, сразу блаженно задремал.

Провожатый опасливо пошел впереди по длинному коридору, часто косился на Хошу, но тот уже посапывал, жутко скрежетал во сне жвалами, попискивал.

– Сюда, – говорил посыльный, кланяясь. – Теперь сюда...

Влад послушно следовал, вернее, делал вид, что следует. Он с первого часа знал, кто и что, где и почему. Во всяком случае, местопребывание Соколова мог определить с точностью до двух шагов.

В главной пещере, маловатой для Верховного Вождя, уже расположились на столах, стеллажах и даже на потолке несколько работников Станции, а также уже знакомые ему Глеб и Кася. Соколов сидел за большим столом, собранный, с пронизывающими глазами, но Влад видел по окружающему запаху, что у него ноет желудок, а завтра разболится сильнее, если сегодня же не выпьет очень много соленой воды. Едва удержался, предупредить бы, но тогда придется объяснять многое, приоткрыться! Лучше позже, невзначай...

Сотрудник, сопровождающий Влада, объявил с порога громогласно:

– Великий Воин, сын Кремня, изволил... великолепно... великославно... великодушно прибыть к Верховному Вождю племени Ивану Соколову!

Соколов скривился, словно хлебнул муравьиной кислоты. Глаза метнули молнии, но осадил себя, лишь подозрительно обшарил взглядом застывшие лица сотрудников, где не увидел ничего, кроме чересчур почтительного ожидания.

– Эх... Великий Воин, добро пожаловать. Здесь счастливы лицезреть героев!

Влад коротко наклонил голову.

– Благодарю. Я вижу.

Соколов с подозрением всмотрелся в его неподвижное лицо, но варвар стоял прямой как столб, в глазах спокойствие, челюсти плотно сжаты.

– И ты видишь? – сказал он. – Надеюсь, мы оба видим одно и то же.

– Если смотрим на одно и то же, – ответил варвар, – трудно видеть разное.

Соколов вздохнул, глаза его то и дело дергались в сторону застывших ученых.

– Да-да, разумеется!.. Хотя, сам знаешь, такое случается. Семен Тарасович, ты уж распорядись, пожалуйста, насчет пир-р-р-ра в честь гостя, раз подал эту идею... А ты, Великий Воин и даже Величайший, в чем я не сомневаюсь, не обессудь, ежели наши обычаи в чем-то разнятся. Садись к столу, добро пожаловать... и твоему пету.

– Я чту чужие обычаи, – громыхнул Влад.

Длинным рассчитанным прыжком он с порога описал ровную дугу, опустился на скамью за стол. Семен покрутил головой, глаза блеснули восхищенно: щель между лавкой и столом едва ли шире бедра. Хоша приоткрыл один глаз, внимательно посмотрел, запоминая, на Соколова, посмеявшегося назвать его каким-то петом, опять опустил плотное непрозрачное веко. Впрочем, сяжки тихонько шевелились, но никто не обратил внимания.

– Влад, – сказала Кася просяще, она снова чувствовала себя неуверенно, видя варвара холодным и надменным, – расслабь кутикулу. И мембраны. Ты среди друзей. Ты Великий Воин, на Станции нет тебе равных.

– Разве кто-то сомневается? – удивился варвар.

Хоша открыл другой глаз, окинул всех прицельным взглядом, снова втянул голову, задремал.

В комнату въехал столик на колесах. Семен катил бережно: прямо на полированной доске в три этажа колыхались разноцветные шары, исходили паром сочные ломти мяса. Отдельно пламенели уже знакомые Владу баночки со специями. На самой нижней доске выстреливали ароматные струйки вырезки из ягод.

Соколов вопросительно посмотрел на Касю. Она кивнула незаметно, села рядом с варваром, услужливо положила самый крупный кусок. Семен придвинул с другого бока баночки со специями, подмигнул:

– Твое здоровье, Великий Воин!

Соколов свирепо шикнул, Семена с двух сторон ткнули локтями. Он взлетел до потолка, не выронив колыхающуюся прозрачную каплю. Влад кивнул, указывая на место рядом. Семен

каким-то чудом ухитрился извернуться в воздухе, сделав двойное сальто, упал рядом на скамью. Варвар ел шумно, с хрустом разгрызал хрящи, дробил крепкими зубами кости, осколки выплевывал на середину стола. Соколов, Глеб, Кася и остальные сидели неподвижно, лица вытянулись. Семен ел деликатно, мясо держал обеими руками. Хоша вытянул шею, рассматривая прямо пахнущую добычу в руках Семена. Тот заметил, сунул ломоть любопытному бусе. Зверек понюхал, отвернулся.

– Здоровье твоего головастого... головастикавого коня! – провозгласил Семен.

Он припал широко распахнутым ртом к пахучей капле, потянул. Лицо покраснело, шар быстро уменьшился в объеме. Соколов бросал злые взгляды.

Семен отдышался, сказал с подъемом:

– За здоровье чуда, что сидит у тебя на плече! Оно кукарекать не пробовало?

Глеб наблюдал с неудовольствием. Семен дурачится рискованно, опасности шуток с варваром не понимает. Глеб проговорил вполголоса на ухо Соколову:

– Иван Иванович, это авантюра... Будь он трижды величайшим воином-следопытом, я не поеду. И никого не отпущу.

Соколов ответил еще тише, не спуская глаз с пирующего варвара:

– Последний шанс! Пока те не ушли далеко. Этот твердокожий знает Лес. Вы на его ксерксе быстрее отыщете преступников, чем на коптере или топтере.

Глеб уронил голову, лицо потемнело:

– На топтере постарались... Бедный Катриченко!

Варвар казался довольным. Пряно пахнущую каплю выпил умело, не дав расплзтись по губам и лицу. Соусницы брал руками, вылавливал из желеобразного бульона сочные ломти, бросал в рот. У присутствующих вытянулись лица, а руки опустились. К тому же Хоша внезапно принялся чесаться, не открывая глаз, пара мелких чешуек упала на стол.

Гора костей росла. Глядя на варвара, Семен ради экономии времени тоже стал бросать кости на середину стола. Нетронутым оставалось блюдо с пирогами по-мегамирски. Влад щедро полил последний кус мяса острым соусом, отхватил острыми зубами половину, прислушался, остатки соуса вытряхнул прямо в широко раскрытый рот. Семен распахнул глаза во всю ширь, покачал головой.

Кто-то робко потрогал Влада за локоть. Кася. Она казалась совсем маленькой, съежившейся, голосок стал сладеньким и трусливым:

– Великий Воин, твой наплечный дракончик спер самое сладкое...

Хоша запрыгнул обратно на плечо, с недоумением держа в передних лапах лакомство по-мегамирски. Остальные на блюде были разворочены, начинка раскрошена по столу. Буся в подражание хозяину все разворошил, расковырял, растащил, теперь сидел надутый, вяло крошил мякотью. Влад тоже распустил пояс, сыто отрывивался, ковырял в зубах длинным узким ножом.

Соколов все не мог выбрать момент, чтобы начать серьезную беседу. Или мешал Глеб, что сердито сопел и что-то нашептывал в ухо. Наконец Кася проговорила погасшим голосом:

– Великий Воин, у нас беда. Большая! Ты взялся бы нам помочь?

За столом наступила мертвая тишина. Умолкло чавканье, чмокание, сопение. Варвар оглядел собравшихся исподлобья. Мужчины отводили взгляды. Семен выковырял начинку чудом уцелевшего пирога, тыкал Хоше в морду, тот брезгливо отворачивался.

– Вряд ли, – ответил Влад мрачно.

Соколов не сводил с него строгого взгляда. Влад ответил ему прямым светлым взором, хотя чувствовал сильнейший позыв опустить глаза или посмотреть в сторону. Верховный Вождь очень непрост, всегда на страже. У него параллельно открытым речам, словам, жестам идет постоянный слой совсем других мыслей, очень мощный. К несчастью для него, не догадывается, что запахи выдают его с головой – сам Соколов бы назвал это почти чтением мыслей, –

а сами запахи скрывать эти люди пока не научились. Но, к сожалению, запах идет настолько незнакомый, сложный, многоцветный, что Влад выделил только две мысли Верховного Вождя: он не так прост, что-то скрывает и хочет послать с ним в Лес женщину. Касю!

– Мы хорошо заплатим, – сказал Соколов, глаза его ярко блеснули.

Влад покачал головой:

– Я не могу быть богаче вас.

– Но у нас есть многое, чего нет у тебя!

Влад пожал плечами:

– А нужно ли оно мне?

Соколов медленно, не сводя с него странно мерцающего взгляда, проговорил:

– Необходим человек, знающий Лес. У меня в племени люди, владеющие магией превращения металлов, выращивания камней. Умеют делать удивительные вещи... но не знают Леса. Ты же спас троих! Понимаешь, о чем говорю. Без скафандра, без мудрой летательной машины доставил на Станцию уцелевших. Без помощи могучей техники, компьютеров, бластеров!

Влад икнул, поинтересовался ленивым жирным голосом:

– Зачем вам Лес?

Соколов замялся, страдальчески передернулся. Глеб наклонился всем телом, лег грудью на крышку стола:

– Срочно нужно отыскать одно племя... Еще не племя, а восьмерых сбежавших. Они опаснейшие преступники!

За столом воцарилась мертвая тишина.

ГЛАВА 9

Влад увидел, как в руках людей этого странного племени замерли ложки и вилки, так эти странные штуки называют здесь, хотя в его племени ложки и вилки совсем другие.

– Что такое преступники? – спросил Влад. Ноздри непроизвольно дернулись, но вряд ли сейчас кто обратит внимание, для отвлечения внимания всхрипнул, топнул ногой. – Кого так называете?

Собравшиеся на пир начали переглядываться, вид у всех был несчастный. Соколов посмотрел на Глеба почти умоляюще. Тот сказал тем же настойчивым голосом:

– Которые преступили... преступили грань, отделяющую хороших людей от плохих!

– Грань непостоянна, – возразил Влад. – Сегодня ее проводят там, завтра здесь.

Он увидел внимательные взгляды, такого возражения не ждали, однако Глеб не заметил, заспорил горячо:

– Но мы живем сейчас! И грань сейчас – здесь. Сегодня они – опасные преступники. Если не поймать... всем людям грозит большая беда.

– С ними были женщины? – удивился Влад.

Соколов вздрогнул, глаза стали острыми, Влад буквально увидел, как за этими глазами бешено работает мощный мозг. Этот варвар, читалось в глазах начальника Станции, все схватывает на лету. С ним нужно быть осторожнее. Еще осторожнее...

Глеб, не замечая настороженности, почти выкрикнул:

– Женщин с ними нет! Великий Воин, у них есть намного хуже, намного страшнее!.. Поверь, если их не остановить, все мы погибнем. И ты тоже.

Кася дернулась, бросила недоумевающий взгляд: что он имеет в виду? Намного хуже и страшнее женщин? Варвар, как ей показалось, тоже едва удержал резкий ответ: он-де не собирается погибать от рук тонкошкурных...

А Влад сделал вид, что пришла пора погладить Хошу, сам же локтем прикрыл жадно раздувающиеся ноздри, чтобы не привлекли внимания: те пульсировали, жадно собирая и истолковывая запахи. Судя по всему, начальник Станции доволен, чем-то понравилась сама ситуация, Глеб в отчаянии, Кася злится на тупоголового дикаря, остальные нервничают, дергаются – чувствуют страшную опасность для них и всего мира. Странно, очень странно.

Семен, который доедал последний ломоть и вылизывал остатки химических растворов, вдруг сказал:

– Великий Вождь, позвольте вякнуть мне, вашему доблестному сенешалю?... Э-э... сенешалю Вашей Доблести?

Соколов сказал раздраженно:

– Ну, вякай.

Семен повернулся к Владу, подмигнул Хоше. Тот коротко стрекотнул.

– Великий Воин, мы друзья?

Влад величественно наклонил голову:

– Хоша тебя признал. Его друзья – мои друзья.

– Спасибо, – ответил Семен, он поклонился еще ниже, громко треснулся лбом о стол. – Убежавшие – наши враги. Хотят нас убить. Меня и многих других. Мы хотим убить их раньше. Ну, не совсем убить, а захватить живыми.

– Зачем? – удивился Влад.

Семен бросил быстрый взгляд на Соколова, уловил едва заметный кивок, продолжал с кровожадным подъемом:

– Чтобы судить! Скормить ли богомолу, высушить ли на солнце и выставить чучела, чтобы потом плевать и бросать камнями... бросить ли хищным клещам для смерти долгой и мучительной...

Влад наклонил голову, скрывая подрагивающие ноздри:

– Ты объяснил хорошо. Не то что эти.

Соколов развел руками, признавая бессилие, сказал просяще-язвительно:

– Семен Тарасович, раз уж вы два сапога пара, то ведите дипломатические переговоры и дальше. В рамках, разумеется.

Семен сказал с подъемом:

– Берешься отвезти нас... догнать наших врагов?

Влад помолчал, впитывая запахи, адсорбируя, дешифруя. Эти люди сильны здесь, под стальной крышей, кто спорит? Настолько сильны, что все еще не обратили внимания на язык запахов!

Когда паузу стало держать неловко и подозрительно, он произнес надменно, оглядывая из-под приспущенных век собравшихся на пир в его честь:

– Так чем, говоришь, заплатят?

За столом пронесся вздох облегчения. Люди заговорили, задвигались. Соколов повеселел, сказал по-хозяйски:

– Что бы ты хотел?.. У нас есть золото, стальные ножи, огненная вода, цветные бусы...

Влад держал веки приспущенными, пряча огонек в глазах. Верховный Вождь хитер. Язык дан человеку для того, чтобы скрывать мысли, а запахи для того, чтобы прятать скрытые мысли. Но слабость этих людей в том, что не знают о таком языке. Нет, знают, но не догадываются, что сами даже не говорят, а кричат на этом языке. Пусть и не всегда понятно.

За столом все видели, как варвар просто раздулся от гордости, осознавая свою важность. Дракончик на его плече переступил двумя лапами и задремал.

– Покажите стойбище, – ответил варвар надменно. – Я дары для себя выберу сам.

На Станции спешно готовили экспедицию-погоню, а сын вождя Влад проводил время у Семена. Тот оказался единственным, который не исходил запахом страха при виде варвара. Семен, будучи химиком с мировым именем, выполнял и обязанности диетолога. Слов «повар» и «кулинар» до прибытия Семена на Станцию не знали, еда была набором белков, жиров и углеводов. Семен, как всякий работник экстра-класса, мигом уловил закономерности, придумал кое-что свое. До этого времени классикой оставался бестселлер Хомякова, одного из первых побывавших за стеной Полигона, – «1000 рецептов из кухни Малого Мира», хотя все время издавались дополнительные тиражи. Новый Свет в то древнее время еще называли Малым Миром, а Старый – Большим, хотя, по сути, все было наоборот.

Семен начал создавать новые блюда, экспериментировал, все испытывал на себе, из-за чего иной раз покрывался пятнами или сыпью. Бестселлер Хомякова теперь пополнялся, но Семен не посягал на авторство, ему хватало и своей монографии по новым приложениям к химии.

– Если добавить кузялист, – заметил Влад, пробуя блюдо Семена, – будет еще мягче и нежнее.

– Что за кузялист? – насторожился Семен. – Такого не знаю!

Влад тут же вышел с Головастиком в Лес, а Семен за это время трижды безуспешно прогнал компьютер по классу растений, именуемых здесь деревьями. Варвар принес пару молодых и сочных гусениц, за плечами топорщился рулон светло-зеленого листа. Семен с разочарованием узнал дыльник лапчатый.

– Рвать можно только на восьмой день утром, – объяснил Влад. – До восьмого – обычное дерево. Еда для кобылок, джампов, зеленых убийц. А с девятого дня – еда для хрудлей.

– Фактор времени! – воскликнул Семен. – Такие тонкости уловим не скоро. Мир чересчур огромен.

Обед оценили даже равнодушные к гастрономическому разврату технофилы. Семен сиял, от него шли запахи радости и нежности к варвару. Они ходили едва не в обнимку, а Хоша прыгал уже и на Семена, признав окончательно. Остальные шарахались – мало грозного дикаря, раздутого от мускулов, кошмарного Хоши, так за этим трио повадился громко стучать крепкими как сталь когтями чудовищный Головастик. Ксеркс заходил в комнаты, лаборатории, кабинеты. Правда, не всегда, а только в свободное от работы время. Обычно же в стремительном темпе перетаскивал под стальной купол гусениц, жуков, клещей, ногохвосток, червей... На Станции стало тесно, Соколов отчаянно торопил сборы.

В последний день Влад прошелся по Станции, отбирая вперед плату за работу проводником. Дары складывал в мешок, а сам мешок приклеил Головастику на плоский лоб каплями клея. Вдобавок сверху расселся, раскорячившись, Хоша, цепко ухватился лапами, после чего так подозрительно оглядел всех, что попятились даже самые смелые.

Глеб обеспокоенно сообщил Соколову:

– Варвар взял фонарь, два комплекта батареек, коробку с мнемокристаллами.

– А мнемокристаллы зачем?

– Говорит, в его племени женщины носят такие на шее. Я не знаю, что он имеет в виду. Готов поверить!.. Еле уговорили сперва переписать на запасные... Пришлось, ибо он, на беду, выбрал коробку с самыми новейшими данными по генной инженерии. Подозрительный! Следил, чтобы не подсунули другие. Он как-то отличает одни кристаллы от других.

– Ладно, лишь бы информацию продублировали. Ты объяснил, что одной батарейки хватает для непрерывной работы фонаря на десять лет?

– Объяснил... Что толку? Ему батарейки нужны как диковинный орнамент, какого нет у соседнего вождя. Когда я попытался не давать, рассердился, хотел уехать.

– Ну, это прием в торговле! У меня новость похуже. Дикарь отказался взять тебя.

Глеб отшатнулся, брови взлетели вверх:

– Я с удовольствием останусь, работы выше головы, но чем он мотивирует? Ведь я чаще, чем кто-либо, выхожу из Станции!

– Сам знаешь, он раскрывает рот, только когда необходимо. У дикарей и ковбоев мужчины говорят мало. Болтливых презирают! Так что этот зверь если чего не считает нужным объяснять – не объясняет.

– Поедет только с Куницыным? Или с Назаруком?

– Этих я сам забаллотировал. Один робок, другой нужен здесь.

Они смотрели друг на друга, стараясь прочесть еще что-либо за сказанным. Глеб вспыхнул, голос стал острее ножа:

– Иван Иванович, отдаете отчет? Они должны отправиться через пару часов, едва высохнет роса! А еще не готовы кандидатуры?

Наружная дверь с грохотом раскрылась, пахнула волна холодного утреннего воздуха. Зашипели баллоны с обеззараживающими смесями – увы, конструкторы не учли, что громадный ксеркс будет затаскивать в узкие двери отчаянно отбивающихся жуков, сороконожек, трипсов. Жуки цеплялись страшными крючковатыми лапами за створки, ксеркс упрямо тянул, лапы с треском отрывались, брызгая кровью, долго корчились, прыгали, а гусеницы вовсе рвались пополам, пол и стены оказывались залитыми зеленоватой слизью. Мощный запах дикого Леса, как и сейчас, наполнял всякий раз научно-исследовательскую Станцию.

Варвар приблизился к Верховному Вождю и Глебу довольный, налитый звериной силой и мощью, бросил небрежно:

– Поедет Семен.

Глеб покраснел от гнева, раскрыл рот, но Соколов сказал быстро:

– Согласен.

Глеб в изумлении повернулся к Соколову:

– Безумие! Муравьев не специалист!

Соколов бросил через голову варвара маячащим вдали работникам:

– Муравьева ко мне! Срочно.

Семен примчался запыхавшийся, красный, от него пахло диковинными травами. Соколов кивнул на раздутого от гордости варвара:

– Поступаешь в распоряжение Великого Воина.

Муравьев, глупо улыбаясь, переводил взгляд с одного на другого, понял, отшатнулся:

– Шутите? У меня работы непочатый край. Сами рыскайте!

В голосе Соколова появился металл:

– Он тебя избрал! Других не хочет. Сам виноват, зачем подружился?

– Но я... другие...

Соколов внезапно поник, было видно, как он смертельно устал:

– Семен Тарасович, тогда предложите другой выход. Только не тяните из клопа резину.

Ситуацию знаете.

Семен застыл в немой ярости, глаза перебежали с одного лица на другое. Сотрудники отводили взгляды, некоторые отступали, прятались в кабинеты. Влад положил огромную ладонь на плечо химика:

– Со мной не пропадешь! По дороге такие травы покажу!

Соколов обратился к варвару:

– А вторым спутником будет... Катерина Нечаева.

Варвар вскинулся, словно в подбородок снизу всадила жало рисса-наездница:

– Принцесса Кася? Ее не беру!

Их окружали, привлеченные громкими голосами, сотрудники Станции. Появилась запыхавшаяся Кася. Прискакал на одной ноге закованный в прозрачный клей Ковальский, выказывая завидную живучесть.

Соколов покосился на прибывших, сказал насмешливо, намеренно повышая голос:

– Великий Воин, ты не совсем прав. Мы ведь не сомневаемся в твоем умении управлять могучим димом или стрелять из арбалета? Поверь, Катерина Нечаева умеет многое из того, о чем ты не подозреваешь.

Глаза Влада блеснули красными огоньками:

– В Лесу опасно. Лес – для мужчин.

– Великий и доблестный Воин, – проговорил Соколов, пряча усмешку, но прятал так, чтобы варвар заметил. – Это не женщина, а специалист. У нас нет разделения на женщин и людей.

Лицо Влада дрогнуло, синие глаза вспыхнули ярче, красные огоньки горели яростью. Он оглянулся на Касю, та сжимала кулачки и прожигала лютым взглядом огромные дыры в его спине. Вокруг ухмылялись сотрудники, отводили глаза.

Соколов объяснил громко, покровительственно:

– Они становятся женщинами, когда приходит время выходить замуж, когда наступает период кладки яиц... тьфу!.. время рожать. А в работе – только специалисты. Скидок не бывает.

Влад снова выпрямился надменно, сухо отрезал:

– У вас – да. Но отряд веду я? Женщин не беру.

В мощном голосе была завершенность, окончательность. Когда он замолк, все молчали, ибо последнее слово было за ним. Кася выдвинулась, глаза метали молнии:

– Боишься, что смогу что-то делать лучше? Позора боишься?

Влад смотрел холодно, после паузы губы слегка шелохнулись:

– Женщина, ты ничего не можешь делать лучше.

Кася в наигранном изумлении вскинула и без того высокие брови:

– Так в чем беда? Приказывать мне ты не волен. Меня берет Семен Тарасович, а тебе я не подчиняюсь. Хотя ты и главный, как было объявлено. Вассал моего вассала не мой вассал – верно? Все законно.

Ноздри Влада подрагивали, по запаху чувствовал, что над ним начинают потешаться. Все уже ощутили, что он вот-вот покинет Станцию, с ним уйдет и страх. Самые трусливые вздохнут с облегчением, а сейчас мстят за унижение.

В голову горячей волной ударила кровь. Качнулся, мир перед ним внезапно окрасился в красный цвет. Мышцы закрипели, стянувшись в тугие пучки. Сказал с яростью, выплевывая слова через стиснутые зубы:

– Мужчина обязан идти на опасность! Мы рождаемся для сражений! Слабые гибнут, сильные дают женщинам здоровых и смелых детей. Среди женщин не бывает слабых или сильных, они – выше, они – ценность! Потеря женщины – невосполнима. Мужчина должен рисковать жизнью, иначе ее недостойн, а женщин обязан беречь всех!

Влад видел разинутые рты, запах вдруг резко изменился. На него смотрели с удивлением и опасливым уважением.

Соколов бросил резко:

– Решение окончательное! Она едет.

Круто повернулся, едва не потеряв равновесие, ушел. Кася с победоносным видом прошла мимо варвара, задев локтем по жестким мышцам его живота. Сотрудники попятились, начали расходиться.

ГЛАВА 10

Из дверей Станции вслед за Семеном показался озадаченный Головастик, задумчиво щупал химика кончиками сяжек, пытался понять новые запахи. В дверях ксерксу пришлось ползти: на спине громоздились тюки с инструментами, оборудованием, а через грудь теперь шел широкий хомут из кристаллического железа.

У Семена на плече дремал толстый сытый Хоша. Последнее время он предпочитал Семена – тот баловал, чесал мохнатое брюшко, кормил из рук.

– Не сердись, – сказал невесело Семен Владу, – печенку испортишь... Ты выбрал одного, Соколов – другого. Поровну! Что он за вождь, если во всем даст распоряжаться только тебе?

Головастик подбежал, возбужденно подвигал сяжками. Щеточки тревожно шевелились. Влад быстро переговорил на языке жестов, бросил Семену:

– Быстро давай... ту штуку. Ты уверен, что она пригодна в Лесу?

Сотрудники бегом вынесли странное сооружение из металлических труб. Влад погладил Головастика по жвалам, велел лечь. Семен пересадил Хошу на плечо варвара, помог втащить на широкую спину ксеркса и установить на шарнирный лафет спаренную ракетную установку. Откидные сиденья лафета позволяли запускать ракеты с безопасного расстояния, не попадая под газовую струю. Ближе к стеблю, соединяющему грудь с абдоменом, теперь покоились два ящика с ракетами.

Едва закончили, верхушки деревьев вспыхнули под яркими лучами. Семен соскочил на землю, глаза блестели. Влад с сомнением оглядел странную установку из двух рядов труб:

– Уверен, что ваша магия сработает?

– Уверен! – заявил Семен горячо. – В мире богов, откуда мы пришли, это самое могучее орудие. Правда, там на огне, а здесь... но принцип тот же. Один залп способен уничтожить целое племя!

Влад содрогнулся, посмотрел на Семена с отвращением:

– Племя, где, кроме мужчин, живут женщины и дети? Такого даже в царстве Тьмы нет. Семен, тебя обманули про мир богов. Ты не мог жить в таком подлом мире! Это был страшный сон.

Семен опустил глаза, пробормотал:

– Мой толстошкурый друг, твоими устами глаголет... Но где же Кася? Опаздывает, как все женщины!

– Мне что-то болтали насчет специалиста, – напомнил Влад едко.

Кася выбежала из дверей, держа на плечах огромный пакет раза в четыре больше ее. Влад и Семен уже сидели на спине дима, устраивались. Головастик неторопливо трусил вокруг Станции, останавливался почесаться, его беспокоил железный хомут. Семен то и дело подтягивал болты в одном месте, отпускал в другом. Кася с разбега оттолкнулась, описала в воздухе длинную дугу. Влад видел, что она промахивается, по крайней мере шагов на пять. Дим по команде сделал рывок вперед и в сторону, девушка обрушилась Семену и Владу на головы, а мешком едва не сшибла Хошу.

– Вот и я, – сказала она жизнерадостно. – Правда, недолго?

Семен покосился на варвара, рассвирепеет ли, но лицо Влада, сына Кремня, оставалось неподвижным, как кора мегадерева.

Проводить их вышел только сам Соколов. Помахал рукой, тут же отступил, дверь захлопнулась так плотно, что вроде бы исчезла вовсе, а щели затянуло соком.

Влад хлопнул по литой башке. Головастик стремительно метнулся к дальней зеленой стене. Раздутые водой деревья там стояли так тесно, что мясистые полотна листьев скручива-

лись в гигантские трубы, а на земле лежала сырая тень. Не оглядываясь, Влад видел, как за их спинами уродливый красный купол с черными пятнами быстро уменьшается. Все это раздулось в бесформенные пятна, затем всю Станцию накрыл клубящийся Туман.

Дим вбежал в Лес с разбега, сразу похолодало. Справа и слева замелькали зеленые стволы. Даже Кася и Семен видели по ту сторону непрочной коры идущие от земли сладкие соки – холодные и чистые, спасающие деревья от перегрева. Дим зацепился ракетной установкой – еще не делал поправку на нелепый груз. Влад велел Семену и Касе пригнуться, те послушно плюхнулись животами, опасливо подгибая ноги: почти на каждом листе паслись огромные чудища, провожали их бессмысленными хищными взглядами.

Семен наконец сказал сиплым голосом:

– Влад, нельзя ли остановиться? Кася не успела прикрепиться, я держу ее за ногу...

Некоторое время мчались в напряженном молчании, Головастик бега не замедлял, наконец варвар бросил в ответ:

– Мы в походе. Прикрепляйся на ходу или – умри.

Семен, стиснув зубы, обхватил до судороги в ногах шов между сегментами, кое-как прикрепил Касю за бедра широкой липучкой. Жесткая спина Головастика прыгала, подбрасывала, била снизу. Семен расслабился, помог Касе зацепить пакет, в который девушка вцепилась, как богомол в джампа.

– Что там? – спросил он с неудовольствием.

Она покосилась на широкую спину, показала язык, а Семену ответила шепотом:

– Лучше не спрашивай!

Через полчаса Влад остановил Головастика, заботливо напоил, хотя ни разу не высочили на открытое солнце, заглянул в трахейные трубочки. Сам он, как и Семен с Касей, пил на ходу – все трое прикладывались к флягам чаще, чем поили дима. Закон выживания строг, исключений нет: чем мельче животное, тем больше поверхность тела, что приходится на единицу объема и массы. Слону хватило бы запаса воды на неделю, а уменьши до муравья – высохнет за десять минут. Обмануть закон нельзя, можно только приспособиться, исхитриться. Тонкокожие тли прячутся от солнца и сухого воздуха на тыльной стороне листьев, закручивают их в трубочки, строят галлы. Личинка златогазки, что жрет тлей десятками, додумалась наклеивать себе на спину их шкурки, предохраняясь от высыхания, а люди пошли еще дальше: влезли в водонепроницаемые комбинезоны.

Семен искоса поглядывал на широкую спину Влада. Этот варвар, судя по его виду, репликам, мимике, презирует тонкошкурных, избравших путь трусов. Ведь у людей его племени кожа уплотнялась в каждом поколении! У него самого стала почти кутикулой. Не такая, как у Головастика или жуков, но все же уплотняется, превращаясь в хитин. Влагу держит! А это едва ли не главное для выживания в этом мире...

К концу второго часа в лоб диму выбежало огромное раздутое животное. Усики его торчали, толстые и длинные, как оглобли. Это был настоящий поезд из плотно составленных цистерн. С разбега наткнувшись на Головастика, животное мгновенно отпрянуло и, не теряя драгоценных секунд на разворачивание, так же стремительно понеслось обратно. Усики упали, а на конце задней цистерны, ставшей теперь передней, поднялись придатки, такие же длинные и гибкие.

– Ух ты, – сказал Семен пораженно, – врубила задний ход!.. Искусница.

– Капподия, – авторитетно заявила Кася, – ее ножки одинаково хорошо приспособлены к бегу задом наперед.

– А кто не приспособился, – сказал Семен глубокомысленно, – тех сожрали. Интересно, они вкусные?

– Фи, Семен Тарасович...

Головастик мчался во весь опор, прямо за капподией, замирая время от времени и делая крохотные рывки в стороны, – остатки инстинкта. Как поняла Кася за время пребывания сына вождя на Станции, люди племени Влада успели удивительно много. Пока муравей еще не муравей, а глупая личинка, они одинаковы – из них можно выращивать рабочего, солдата, фуражира, няньку, землекопа, охотника... Но варвары, судя по всему, сумели уйти дальше. Головастик по жвалам и мышцам явно муравей-солдат, но смышлен как фуражир – самый развитый стаз: командам повинуетя беспрекословно, а добавочную броню, стальные шипы на лапах и бритвы на жвалах сгрызть не пытается, принимает как часть доспехов...

Капподия наконец сообразила свернуть – упала за широким деревом. Головастик пронесся мимо. Семен улыбался, представляя, как бедная зверюка, запыхавшись, еще не веря, что спаслась от страшного муравья, сперва ликовала, прыгала от радости, потом с досадой сообразила, что улепетывала зря – ксеркс вовсе не гнался, а бежал по своим делам.

Семен присел за ракетной установкой. Железные трубы поднимаются чуть выше головы – можно не бояться, что поперечная ветка снесет голову. Кася с жалобным видом прижалась к нему теплым боком. Варвар сидел впереди, почти на шее дыма.

По бокам проносились зеленые с серым тени, мелькали красные, синие, желтые пятна. Часто обдавало едкими запахами, несколько раз проскакивали сквозь облака цветных шариков, пляшущих в воздухе. Мир был свежий, по-утреннему чистый, но прогревался быстро.

Влад сидел на Головастике по-прежнему неподвижный даже при самых немыслимых рывках и ускорениях, словно дим был мчащимся носорогом, а Влад – боевым отростком на носу. Рядом застыла его уменьшенная копия: Хоша, глядящий вперед прямо и сурово, как строитель светлого будущего. Солнечные лучи одинаково блестели на его отполированном хитине и на крупных плечах варвара.

Кася часто сверялась с картой, указывала направление. Влад невозмутимо отдавал диму новый приказ, тот мчался вроде бы в новом направлении, но Кася чувствовала, что двигаются вдоль прежней невидимой нити. Когда Кася принялась настаивать, что ехать нужно строго вот так и так, Влад лениво поинтересовался:

– Что за люди, сбежавшие преступники? Если я буду знать, мы отыщем быстрее.

Кася презрительно фыркнула, Семен бросил серьезно:

– Скажи, Влад, до указанного места мы доберемся уже скоро. Потом начнется худшее...

– Что?

– Начнем искать серую щетинку в сером стое.

Кася наморщила носик, сказала принужденно:

– Великий Воин, гроза всех насекомых, не знаю, поймешь ли... Существует генная инженерия. Это сложный узел научных, этических и философских проблем. Можно сказать, большое место науки, да и всего общества. Изыскания ведутся очень осторожно, подстраховываясь, оглядываясь, прислушиваясь к мнению неспециалистов, общественности... Многих ученых это бесит. Они стремятся поскорее ставить опыты, вторгаться в святая святых, дерзать...

Варвар по-прежнему смотрел надменно, свысока. Кася начала злиться, с тем же успехом объясняла бы проблемы генной инженерии тоже чудовищу, на котором они едут.

– Словом, – закончила она резко, – однажды самые горячие головы сбежали. Оставили записку, что, дескать, ученому жизнь дается один раз, хотят прожить в исследованиях, а не в ожидании разрешения.

Варвар величаво кивнул. Кася не поняла, одобрил ли бегство, то ли устал держаться покорно. Или же склонил голову, чтобы избежать пронесшейся над ними ветки.

– Они бежали по классу эс—двадцать один, – закончила она сухо. – То есть увезли с собой новейшее оборудование, банки данных.

– Куда ушли? – спросил варвар. – Мир необъятен. Их не найти.

– Почти необъятен, – возразила она. – Психологи считают, что жажда немедленно начать исследования не даст уйти далеко. Когда беглецы уйдут, как полагают, на достаточное расстояние... ну, чтобы их не обнаружили, тут же наверняка оборудуют Станцию, с головой уйдут в работу.

Варвар остановил Головастика, долго поил, а когда деревья замелькали снова, продолжил, словно паузы не было:

– За два-три дня можно уйти далеко. Прямо сейчас могут жить под нами или на любом этаже мегадерева. Могут стать планктонниками, могут уйти на дно озера, моря... Если заберутся вон туда, а это тоже вероятно, как обнаружишь?

Он кивнул на громадную серую стену, что поднималась почти на краю видимости, едва выступая из Тумана. От стены веяло несокрушимой мощью, чудовищной массой, холодом – старое мегадерево поднимает огромное количество ледяной воды из немыслимых глубин, спасая себя от перегрева. И уже разогретую сбрасывает на еще более немыслимой высоте. Тоже за стеной Тумана, но уже над их головами.

Они мчались мимо этой отвесной стены, а она все не кончалась. В ней виднелись глубокие овраги в потрескавшейся коре, невероятные наплывы, твердые как камень, хмуρο нависали громадные карнизы засохшей коры, где могли бы схорониться сотни димов с седоками.

– Все возможно, – ответила Кася так же сухо. – Однако наши психологи... это такие шаманы, просчитали разные варианты. В компьютерных данных есть все данные об их характерах, привычках, вкусах. Имеются результаты тестов... ну, инициаций. Словом, наши мудрецы решили, что беглецы останутся на поверхности.

Варвар спросил напряженно:

– Ваши волхвы могут предсказывать?

– Это долго объяснять... Поверь на слово, так лучше, что в ряде случаев предсказать можно. Вот я, например, утверждаю: ночью ты заснешь, утром тщательно умоешься, почишься...

Влад отрезал с гордым пренебрежением:

– Я могу мчаться без сна несколько дней!

– Кто спорит, Великий Воин? Беглецы тоже могли забраться очень далеко. Но с такой же вероятностью, как твое утреннее умывание, должны основать станцию на расстоянии недели пути от нас. Кроме того, их убежище находится на поверхности. Скорее всего в готовой полости: заброшенном дупле, муравейнике. Они традиционны во всем, кроме своей работы.

Она поперхнулась словом: из-за зеленых стройных стволов выбежал, перебегая дорогу, желтый муравей – юркий, крохотный, даже Кася взяла бы на руки, как кошку. Она ахнула восторженно, впервые видела такого игрушечного, похожего на блестящую фигуру из янтаря.

Влад мгновенно сорвал с крюка арбалет. Кася увидела только смазанное движение, настолько варвар двигался быстро. Хлопнуло, пахнуло озоном. Муравей уже добежал до деревьев по ту сторону тропки, но вдруг упал, задергал лапами. Жвалы разомкнулись, застыли. Головастик равнодушно пробежал мимо, а Влад снова обратился в каменную статую.

Кася в недоумении оглянулась. Из рваной дыры в брюшке вздувалась огромная, остро пахнущая капля.

– Наповал? – поинтересовался Семен.

Кася спросила дрожащим от негодования голосом:

– Зачем?... Показать меткость?

Семен толкнул локтем, сказал вполголоса:

– Паразит! Мелкие муравьи живут в семьях крупных. Например, у ксерксов. Устраиваются в стенах, оттуда шпионят, воруют яйца, личинок, гадят. Верно, Влад?

Варвар не обернулся, смотрел в быстро сменяющуюся картину впереди:

– Инквилин. Никогда не покидает гнезда.

Семен огляделся в притворном ужасе:

– Мы уже в гнезде?

– Самка искала внедрения. Мы убили целиком будущую семью паразитов.

Семен подмигнул Касе, она с неудовольствием пробурчала:

– Мы? К тому же я не очень этому верю.

Семен и Влад переглянулись, у обоих мелькнули одинаковые усмешки. Кася не поняла, чему можно смеяться, но тут же возненавидела – мужики! – всем сердцем.

ГЛАВА 11

Из расплывчатой зеленой неизвестности Тумана выныривали листья и стволы деревьев, глыбы на дороге проносились мимо и пропадали в такой же сумятице зеленых пятен и форм. Кася всматривалась тревожно, сердце ныло от страха. Никогда еще не чувствовала себя так беспомощно. Из Старого Света прибыла всего два года назад, там зрение было нормальным, а здесь в первые же часы испытала чувство гнетущей неуверенности, странной близорукости: все, что находится в двух-трех десятках шагов, видит отчетливо, а дальше – Туман!..

Муравьи видят еще хуже, обычно не дальше кончика собственного усика, паук едва-едва отличает свет от тени, но все равно страшно чувствовать себя внезапно ущербной. Соколов успокаивал: все колонисты первые годы нервничают, потом ничего, привыкают. Лучше всего тем, кто родился в Мегамире, таких уже около двух тысяч человек!

Она украдкой посматривала на варвара. Неподвижный, суровый, но глаза преобразуют мужественное лицо – крупные, с большой радужной сетчаткой и расширенным черным зрачком, позволяющим видеть обширную цветовую гамму. Как предсказывал Соколов, если человек проживет в Мегамире несколько поколений, обязательно резко изменится. Ускорится период созревания, адаптации. В Старом Свете младенцу не позволяет ходить и даже ползать чудовищная гравитация, буквально вдавливающая в землю. Здесь ее практически нет, резко укоротятся сроки вынашивания, рожать начнут близнецов, потом – тройняшек, а через несколько поколений каждая мать будет приносить по семь-восемь детей.

Еще через поколения эволюция приведет к откладыванию яиц с тонкой кожистой оболочкой: чуть уплотнившейся нынешней «рубашкой», в которой и сейчас нередко рождается младенец. Пусть едва-едва родился в яйце, а через пару минут вылупился, но потом период насиживания растянется на недели. А потом... Соколов не говорил, что ожидает человечество Мегамира потом, загадочно улыбался. Кася слышала лишь обрывки фраз о микрояйцах, что нет необходимости человеку откладывать яйца, как глупая курица: с запасом питательных веществ – пережиток варварства, как и нынешние жировые запасы на теле на случай голода. Выгоднее откладывать яйцо пятой ступени, как делают муравьи, а потом кормить само яйцо, наблюдая за ростом и развитием в нем ребенка, на ходу исправляя дефекты, корректируя развитие... В этом месте Соколов умолкал вовсе, расспросы натывались на глухую стену.

Сейчас этот варвар казался ей похожим на средневекового рыцаря. Даже имена вертелись в голове какие-то романтические, почерпнутые из артуровских сказок: Перикур, Галахад, Ланселот... Сколько бы Кася ни напоминала себе строго, что это лишь продукт вынужденной эволюции... даже деградации! – не могла оторвать взгляда от этой развитой фигуры.

А когда он поворачивался и она успевала заметить его огромные глаза, сердце стучало чаще, словно в самом деле увидела принца эльфов...

Семен тоже искоса присматривался к Владу. Подобно большинству ученых на станции, он жил в этом мире, Мегамире, подольше Каси, но никогда не сталкивался с людьми, что родились здесь, в условиях дикого мира. Очень странного и непривычного мира. Более странного, чем если бы они оказались в другой галактике на планете под зеленым солнцем.

Большинство низших трахейнодышащих вообще не в состоянии существовать, если воздух не насыщен водяными парами. Любое низшее насекомое быстро погибнет, если его немного подержать не то что на солнце, а даже просто на открытом воздухе! Потому они живут в почве, в гнилой древесине. Дождевые черви вообще дышат всей поверхностью тела, потому дождевой червяк может позволить себе роскошь иметь проницаемые покровы. Правда, через эти покровы легко испаряется вода, но червяку это по фигу. Он живет в земле, а та вся

насыщена водяным паром. Зато муравьи, завоевавшие поверхность, должны были обзавестись прочной шкурой, чтобы не выпускать драгоценную воду.

Но чтобы дышать, вспоминал Семен напряженно, в этой шкуре должна быть целая сеть мельчайших дырочек. Трахеи – самая экономная в отношении расхода воды система. Намного более совершенная, чем легкие.

По коже пробежал холодок, тут же коснулся внутренностей. Черт, никак не привыкнет, что в Мегамире все так близко... И жар и холод, коснувшись кожи, через считанные мгновения действуют на печень, сердце, почки. Итак, Влад и его племя завоевывают поверхность. Казалось бы, только это и верно, как же иначе, ведь люди же... Но даже там, в оставленном Старом Мире, Семен знал людей, что предпочитают сидеть в уютной квартире перед телевизором и компом, и если бы нужда не заставляла хоть изредка выходить по делам на улицу, то никогда бы не вышли под открытое небо. Именно из таких здесь могли бы сформироваться племена, что поселились бы в глубинах земли... Или не стали бы подниматься на поверхность, если бы их туда поселили.

Он снова передернул плечами, представив себе такие существа. Уже через несколько поколений они стали бы абсолютно белыми, полупрозрачными, а их кожа истончилась бы и воспринимала влагу всей поверхностью. У этих людей было бы свое мировоззрение, своя религия, цели и устремления, что ничего общего не имели бы с целями и стремлениями остального человечества...

Впрочем, сказал он себе, человечества как такового уже не осталось бы. Взамен появилось бы множество разных человечеств. С разными философиями и смыслами жизни, абсолютно непонятными другим!

Влад поднял руку, ксеркс мгновенно остановился, присел, прижавшись к земле. Кася заметила, что муравей даже повернулся так, чтобы полностью накрыть собственную тень.

Над головой, шумно треща огромными слюдяными крыльями, пролетела кобылка. Она опустилась в десятке шагов от них. Кася отчетливо видела, как этот массивный летающий зверь неподалеку от земли внезапно сделал сальто, блеснул ослепительно белым брюшком, словно дразня хищников, упал на все шесть лап, одновременно сложив крылья и зачехлив их грязно-серым надкрыльем. Перед глазами Каси еще стояло белое пятно. Она поморгала, стараясь рассмотреть огромное животное среди таких же грязно-серых холмов. Засмеялась, поняв хитрый маневр, – так можно сбить с толку любого преследователя!

Варвар оглянулся, даже спина его ясно говорила, что смех без причины – признак дурачины. Кася сразу стала серьезной. Бабочки в полете умышленно сверкают ярко-красным, синим, желтым, но опускаются на кору мегадерева, моментально сложив крылья, – уже не отличишь от коры. Еще и садятся перпендикулярно солнцу, чтобы тень падала вертикально, а рисунок на крыльях в точности совпадал с темными полями на коре. Хищник, конечно, не станет искать в этом месте, уверенный, что бабочки там нет, – ясно же видел, что она ярко-красная, цветная, а брюхо – сочное, белое!

Влад посмотрел на солнце, сказал коротко:

– Привал.

– Надолго? – спросил Семен.

Они спрыгнули почти одновременно. Кася неохотно соскочила, все-таки на Станции, хоть она всего лишь специалист, с нею считались больше. Что-то спрашивали, что-то объясняли.

Семен как почувал, обернулся, зубы блеснули в натужно-веселой улыбке:

– Вот, Касенька, мы и в полевых условиях!

Я уже была в них, хотела она ответить, потом решила, что это химик решил деликатно намекнуть, что в полевых условиях некоторые правила вежливости отменяются. Здесь она в самом деле только специалист...

Головастик с Хошей, задремавшим между сяжек и ракетной установкой, взыграл и резво вломился в заросли. За ним осталась струйка быстро испаряющейся муравьиной кислоты. Семен проводил ксеркса озабоченным взглядом, но варвар уже беспечно вытряхивал из фляги цветной шар воды, воздух наполнился бодрящим запахом. Половину жидкости Влад вобрал в себя, оставшийся шар поменьше размазал по рукам и груди, смочил лицо.

Пока Семен откупоривал тюбы с жидкой едой, варвар изловил некрупный нежнотелый пузырь с крохотными ножками. Кася ощутила волну симпатии к беззащитному зверьку, хотелось схватить на руки. Она отчетливо видела внутри движение густой жидкости, сквозь тело просвечивали руки их проводника, похожие на железные крюки.

– Не укусит? – спросила боязливо.

– Беззащитен, – ответил он. Подумав, добавил, словно бы из первобытной вежливости: – Малые зверьки знают, что их не тронут – чересчур малы. Потому даже не защищаются.

Кася поспешно отвела глаза: могучие руки варвара уже растягивали зверька в стороны. Отвернувшись, она услышала легкий треск, хлопок, довольное сопение. Милый пузырь не знал, что ни размеры, ни ласковый вид не спасут, когда в Мегамир явится ненасытный человек.

На остановках, как заметила Кася, варвар и жуткий ксеркс обязательно чистили друг друга. Ксеркс вылизывал Влада жестким, словно терка, языком, плотная кожа сухо скрипела. Тот томно выгибался, а сам ксеркса выдраивал короткой щеткой с густыми пучками тугих волос. В первый день, когда он вез их от разбитого топтера, она такой странно знакомой щеточки не видела, сейчас ломала голову, пока Семен не пояснил с усмешкой:

– Это же кристалломодуль сброса!.. Шесть миллионов рублей всадили в его разработку.

– Почему он у варвара? – ахнула Кася.

– Взял в уплату, – сказал Семен лаконично.

Глаза его смеялись, Кася вспыхнула:

– Как можно допускать!.. Дали бы ему бусы... ожерелье!

– Он взял кристалломодуль, – ответил Семен тем же тоном. Видя, что Кася огорчилась до слез, сказал уже мягче: – Не жадничай. Теперь, когда он пошел в серию, каждая штука стоит не больше миллиона.

Кася со злостью смотрела на дикаря, на его чудовище, которое чесали щеточкой стоимостью в миллион рублей. Дим изгибался, становился на цыпочки, выставя сокровенные места, принимал причудливые позы. Помогая варвару, старательно вылизывал себя и сам.

Оба вскоре заблестели, странно взбодрились. Семен предположил, что слюна ксеркса сильна не только как истребитель микробов, но и как-то питает или стимулирует жизнедеятельность. Кася возразила: простой массаж ее взбадривает тоже. Она бы тоже не прочь подставить и свою спину, да только боится этих двух страшилищ. Даже трех, ибо Хоша всегда принимает в чистке самое деятельное участие.

Семен сделал вид, что понял это как намек-предложение. Он побрызгал себя репеллентом, подумал хмуро, что надо менять старые средства, ибо пользоваться этими штуками в Мегамире просто невозможно. Вместо струйки брызг из горлышка тюба вылетают идеально круглые мелкие капельки. Если тюр не прижимать прямо к коже, то капельки висают в плотном воздухе, не проломив его крохотной массой!

Ощутил жжение, поспешно растер пленку жидкости по груди. Под лопаткой кольнуло, Семен заломил руку, пытаясь почесать, – явно какой-то микроб сумел протиснуться, впился! С завистью смотрел на варвара с его страшилищем. Оба с таким наслаждением чистят друг друга, что по всей поляне поднялся треск, словно сражаются бронированные звери.

Потом ксеркс с Хошей унеслись в Лес. Варвар рассматривал снаряжение – не сидел без дела, как заметил еще Глеб. В какой-то момент прислушался, постучал оберегами: двумя камушками, что носил на груди. К своему удивлению, Кася услышала далекий ответный стук.

Она не могла даже определить, с какой стороны донесся звук, но варвар кивнул удовлетворенно, принялся надрезать стволы ближайших деревьев, заполнять бурдюки и фляги соком. Явно его чудовище доложило, что поймало что-то на обед. Могло даже сообщить, что именно поймало и какой спелости.

Кася помнила первый шок в Мегамире, когда внезапно обнаружила, что все заполнено звуками. Она слышит скрежет, писк, жужжание, хлопки, треск, глухие удары, писк, чувствует дрожание почвы за сотни и тысячи шагов, но видит не дальше двадцати!

Соколов как-то объяснил, усмехаясь, что человеческое ухо воспринимает звуки в диапазоне от шестидесяти до шестнадцати тысяч циклов в секунду, а большинство видов насекомых верещит в других диапазонах. Сверчка человек Старого Мира слышит хорошо лишь потому, что тот всегда трещит на одной высоте и амплитуде, тот же человек уже не слышит близкую к сверчкам кобылку Одиподу: самец стучит в диапазоне двенадцать циклов в секунду, а самка и того меньше! А послушать их стоило бы, добавил Соколов со странной затаенной усмешкой. Тогда люди перестали бы хвалить сверчков и кузнечиков с их унылым однообразным треском.

Когда Кася на четвереньках вылезла из-под широкого листа, Семен потянул носом:

– Гм... феромон-релизер... Нет, скорее феромон-праймер... Одновременно и мощный алломон.

– Говори человеческим языком, – сказала Кася раздраженно. Ее преследовал этот запах, хотя удалялась как можно дальше, рискуя заблудиться или попасть хищнику в лапы. – Это местные нехорошие слова?

– В смысле нецензурщина? – переспросил Семен. – Ты зря прячешься под кустиками. Даже я могу многое определить по твоему запаху.

– Я вымыла руки! – недовольно возразила Кася.

– А наш проводник, если захочет, расскажет намного больше. Я уверен, он слышит запахов во много раз больше. Это мы с тобой знаем лишь привлекающие и отпугивающие.

Кася бросила подозрительный взгляд, но Семен говорил серьезно:

– Я сам такой же дурак, переносу привычки из Старого Мира. Ты два года как оттуда, я – двенадцать, но что это в сравнении с поколением Влада? Давай друг друга одергивать? Наверняка выйдем в его глазах жалко.

Она пренебрежительно наморщила носик:

– Меня абсолютно не интересует мнение варвара!

Говорила чересчур горячо, чтобы Семен поверил в ее искренность. Он посоветовал, держа лицо абсолютно безразличным:

– Ты... э... закапывай за собой, как собачка. Нет, собачка делает два-три символических гребка задними лапами и, считая ритуал законченным, бежит дальше. Лучше как кошечка, те еще и утапывают песочек.

– Семен Тарасович! – сказала она ледяным голосом.

Семен произнес смиренным голосом, в котором издевка была так глубоко, что Кася не была уверена, издевается химик над нею или над собой:

– Помню, еще в детстве, когда жил в Старом Мире... Пойдешь в лес за грибами, а там комары злющие... Все бы ничего, веточкой отмахиваешься, но когда приспичит присесть за кустиком, спустив штанишки... У, кровососы! Так и жрут. Обеими ручонками, как сейчас помню, штанишки придерживаешь, не до веточки, а они гудят, как самолеты с бомбами, прямо режут, пикируют, нападают все разом... Это я к тому, что в таком долгом путешествии мы малость уязвимы... Ко мне уже пара грызунов забралась. Правда, нас Соколов накачал антибиотиками, любой микроб издохнет, но антибиотики выветриваются!

– Подновим! – сказала она сердито. – Мы взяли запас.

– Пока нет универсальных антибиотиков. Одни бьют одних, другие – других. Третьи, правда, прибьют всех, но и нас тоже. Так что ты не очень-то рискуй, удаляясь. Может напасть что-то такое, от чего прививок нет.

– А варвар, значит, спасет и от микробов?

Семен сказал серьезно:

– Ты же читала отчеты Первых? Экспедиция Енисеева была спасена как раз муравьями, которые лизали своих хозяев. Подхалимничали, если хочешь. Хотя я бы не сказал, что мой пес такой уж подхалим, когда прыгал ко мне и старался вылизать меня всего... Это тот случай, когда бескорыстная любовь спасает...

ГЛАВА 12

После короткого отдыха, когда дим и Хоша напитались водой, Семен снова помог Касе взобраться на Головастика. Точнее, она прыгнула сама, а Семен поймал, не дав упасть по другую сторону ксеркса, усадил за ракетной установкой – ракетницей, как ее называли.

Дим резво понесся по ровному каменистому плато. Кася уже освоилась, щебетала, а Семен незаметно погрузился в невеселые думы. Золотой век Мегамира был, по его мнению, в первые годы, когда на Станции попадали проверенные и перепроверенные ученые. Переходными камерами обладали только две сверхдержавы: Россия и США, потом их построили Англия, Белоруссия, Германия, Китай, Япония... Опасаясь, как бы какая из стран не обрела преимущество, началась спешная экспансия. Маленькие колонии появлялись на карте мира всюду: в горах Тибета, Сахаре, тропиках, островах. На какое-то время воцарилось зыбкое равновесие, но затем кто-то высказал опасение, что некая страна забрасывает колонистов и на земли противника... нет, не противника, везде мир и дружба, но сами понимаете, то да се...

Правительства клялись, что осваивают только свои земли, ее хватит на миллиарды лет, однако подозрение осталось. Более того, укреплялось и ширилось. Планета настолько обширна, если забросить тысячу колоний даже в перенаселенную Японию – легко ли обнаружить, а что говорить о бескрайних просторах Амазонки, Африки, Сибири, Азии? Если же противника подозреваешь, стараешься опередить.

Когда ситуация вышла из-под контроля, получили право строить переходники частные фирмы. Прогресс и удешевление привели к тому, что в Малый Мир, затем Большой Мир, позже Новый Свет, а в конце концов – Мегамир хлынули многие, кто мог оплатить переход. А также миссионеры, посланные Ватиканом, буддистские монахи, проповедники ислама, волхвы Великой Праруси, даже ортодоксальные проповедники иудаизма, которые твердо решили основать Великий Израиль на незанятых землях, откуда их наконец-то изгонять не будут.

Несколько благотворительных обществ, объединив финансы, переправили в Мегамир массу людей, покушавшихся на самоубийство, впавших в депрессию, мизантропию. Нашумел уход профессора Конрада Чалкера, лауреата Нобелевской премии. Он скрылся со Станции вместе с женой и двумя детьми, заявив, что всю жизнь мечтал стать первопроходцем. Он, Конрад Чалкер, даст начало племени вечных странников.

Были и другие группки, самые разные, которым надо было уединиться. Старый Мир тесен, находят всюду, принуждают, обязывают, сажают, грозят, а в Мегамире – полная свобода, шанс основать государство Всеобщей Справедливости, как ее понимают только они, избранные.

Многие мечтали стать отцами нового народа. Конечно же, отмеченного богами или Богом, народа избранного, самого лучшего, лишенного пороков, талантливого, чистого, без примеси грязной крови: черной, белой, красной, желтой – дурной наследственности...

Его сильно потрянуло. Он очнулся от дум, глаза уперлись в блестящие плечи варвара. Как правило, даже самые честолюбивые мечты заканчиваются вот так. Невежественный дикарь, озверевший в борьбе за выживание, даже не подозревает о других уровнях цивилизации. А узнает, как примет? Уже ходят слухи о нападении дикарей на Станции. Правда, большого нападения всем племенем еще не было, отдельные сотрудники исчезали и раньше, но слухи становятся все тревожнее.

Головастик остановился, выжидающе повернул к седокам голову. Крупные глаза недоумевающе уставились на Семена и Касю. Влад спрыгнул, сдернул на землю тюк с вещами.

– Непонятно? – буркнул он. – Вы железные, а дим у меня слабенький... Ему надо отдохнуть.

Семен тоже попытался слезть, ноги подломились, упал. Перед глазами замелькали цветные пятна, в ушах стоял треск.

– Перегрелся сдуру... – прохрипел он.

Влад бросил химику раздутый бурдюк. Семену едва хватило сил присосаться, а когда вместе с водой пришла сила, поднялся, стащил Касю. Она была почти без сознания. Капля, которую вытряхнул Семен девушке на лицо, растеклась толстой пленкой, полезла под расстегнутый ворот комбинезона. Кася закашлялась, Семен ритуально постучал по спине.

Варвар отступил с презрением, словно боялся заразиться. Не глядя, ухватил пробегающую мимо меку, оторвал передние лапы. Зубы с хрустом впились в розовую плоть. Кася поспешно отвернулась, едва не перекрутившись в поясе. Влад, по всей видимости, не понял, протянул ей трепещущую жертву:

– Хошь?

– Н-нет, – выдавила с великим трудом. – Я червяков... ем только на завтрак.

– Хорошо, – пообещал он, – принесу утром большого толстого червяка.

Головастик поймал раздутую сладким соком раппуху. Жвалы сомкнулись без треска, раппуха съежилась, как лопнувший воздушный шарик. Ксеркс отшвырнул пустую шкурку с целой головой и лапками, а раппуха поднялась и пошла, еще не понимая, что дим почти съел ее, вместе с соком проглотил и внутренности... Впрочем, сказала себе Кася, удерживаясь от обморока, возможно, к вечеру раны заживут, а внутренности регенерируют. Здесь мир такой... удивительный мир.

Рядом шумно чавкал Влад, смачно высасывал жидкость, облизывал пальцы. Семен подсел к Касе, тоже уставился на руки варвара, покрытые по локти розовой пленкой. Тот перехватил взгляд, разорвал меку надвое, половинку швырнул Семену.

Химик едва не вскочил, ибо мека легкая, у него обязательно упала бы на землю, но варвар умело пустил ее по плотному слою воздуха – меку понесло, подбросило, чуть развернуло, а легла точно в растопыренные пальцы Семена. Шарики бледно-розовой крови, коснувшись руки, сразу расплылись тончайшей пленкой по кисти, доползли до локтя. Семен, к ужасу Каси, начал шумно оближивать пальцы, обсасывать руку, а потом точно так же всадил зубы в еще живую меку, что беспомощно шевелила оставшимися лапками.

– Мужчины, – произнесла она с нескрываемым отвращением. – Какие же вы... одинаковые!

Семен проглотил кус, спросил сипло:

– Дать кусочек? Я добрый...

Она подхватила и, зажимая рот ладонью, бросилась за дерево. За тонкой корой, подсвеченные с той стороны солнечными лучами, двигались, как темные призраки в мутной воде, размытые по краям шары протоплазмы. Влад прислушался к странным звукам, что доносились из-за дерева, уже не ближнего – отдаленного. Ноздри дрогнули, но могучие челюсти все так же с хрустом перемалывали, дробили, перетирали. Напротив сидел Семен, доктор химических наук, лауреат и член, он с некоторым беспокойством поглядывал на заросли, где скрылась Кася, прислушался, однако челюсти работали в том же ритме.

Ломая кусты, на поляну выбежал Головастик. На ходу уронив к ногам Влада толстую личинку кнурдлика, с любопытством повел сяжками и побежал в ту сторону, где скрылась Кася. Семен едва успел подивиться раздувшемуся абдомену, даже мембрана вытянулась во всю длину. Головастик вломился в заросли, исчез. Вскоре за деревьями страшно треснуло. Влад привстал, напряженно вслушиваясь. Головастик выскочил ошалелый, постоял на краю поляны, покачивая огромной плоской головой. На его спине метался Хоша, возмущенно орал, подпрыгивал, гребень вздыбился, люто сверкал острыми зубками.

Головастик посмотрел на Влада, что-то посигналил сяжками. Варвар широко улыбнулся, сел. Их взгляды с Семеном встретились, оба понимающе кивнули и продолжили трапезу.

Вверху, за стеной зеленого Тумана, зашелестело. Вниз упала воздушная волна, пригнула деревья. Некоторые сразу пугливо распластались по земле, другие лишь закачались, Влад тоже покачнулся, а Семен ухватился за камни.

– Ветер? – спросил он.

– Ветер, – ответил Влад. Добавил: – Но ехать надо.

– После такого обеда, – ответил Семен весело, – можно бы и поспать... Но с другой стороны, сытому проще смотреть смерти в глаза!

Влад усмехнулся, а ксеркс, словно поняв его мысленный приказ, подбежал и остановился перед ними, быстрый и грозный, словно штурмовой танк. Кася вышла из-за широких листьев, надменная и гордая. Точеный носик гордо задран к небу, высокие скулы тронуты румянцем, но в прищуренных глазах злобное предостережение. Если кто-то посмеет пройти с глупейшими замечаниями по поводу ее отсутствия или странных ароматов...

– Садимся, – велел Влад отрывисто. – Дорога только началась.

Головастик едва дождался, когда взобрались все. Песок вылетел из-под его лап с такой силой, словно выпалили картечью из старинной пушки. Кася не поняла, что за отдых, если дим не присел, не прилег – носился по зарослям, ловил и давил зверей, что-то ломал в жвалах, бурно рыл землю между огромными валунами, забрасывая комья выше головы, взбирался на вершины высоченных деревьев, а потом еще и пугал ее в Лесу, выглядывая то справа, то слева.

– Смена деятельности, – пояснил Семен со вздохом. – Мы все орлы-теоретики, а дим – практик. Он же простой, как сказал Влад. Простодушный даже. Дитя природы.

– Наивный, – фыркнула Кася. – Доверчивый! Прямо лапочка.

– Лапочка у нас Хоша, – поправил Семен. – Просто чудо.

Кася подняла глаза на взъерошенного чудо-лапочку, целиком из шипов, когтей и гребней, содрогнулась всем телом.

А дим уже несясь вверх по дереву, когти с легким треском пропарывали мягкие клетки. Кася в ужасе взглянула назад: земля удалялась так стремительно, словно они взлетели. Их путь был отмечен двумя рядами блестящих шариков сока: непрочная кора не выдерживала напор острых когтей ксеркса.

Головастик мчался вверх с той же скоростью, что и по земле, но Кася успевала заметить крохотные блестящие точки, что отрывались от серо-зеленого ствола. Подобно человеку, дерево защищается от перегрева, сбрасывая часть воды через пористый ствол. Точно так же потеет – все дети одной Матери!

Дерево было покрыто редкими волосками, каждое толщиной с палец. На кончиках поблескивали синеватые искорки. Кася закрыла глаза, хотя высоты уже не боялась – в Мегамире этот страх быстро уступает боязни прилипнуть к капле воды, попасть под упавший листок... Впереди обыденно переговаривались Семен и варвар, кошмарный Хоша прыгал по обоим, стрекотал, однажды скакнул даже на Касю. Она замерла в ужасе, но Хоша лишь клюнул в затылок, перескочил на ракетную установку. Пугливо приоткрыв глаз, Кася увидела в пасти Хоши исчезающее брюшко зловредного клещика-кровососа.

Внезапно дим из бега по вертикальной стене перешел в бег по горизонтали: несясь по узкому раскачивающемуся листу, похожему на длинный мост-автостраду. Вздутые клетки, разделенные темными прожилками, все так же тихо лопались под острыми когтями. Впереди колыхался под ударами воздуха другой лист, в редкие мгновения два листа чиркали зазубренными краями друг о друга, между ними то и дело возникала бездна: то один, то другой лист оказывались на немыслимой высоте.

Кася зажмурилась, крепче вцепилась в плотный шов между склеритами дима. Однако даже с закрытыми глазами ощутила, как закованный в панцирь могучий зверь изменил бег, замедлил, потом резко ускорил... Сильно шелестнуло, словно рвалось полотнище с раздутыми

соком клетками. Касю тряхнуло, встревоженно вскрикнул Семен. Дим, однако, бежал безостановочно, Кася наконец рискнула открыть глаза.

Они мчались на немыслимой высоте, внизу простирался жуткий Туман. Дим несся по узкой автостраде зазубренного листа, клетки лопались и шипели, выпуская сок, Кася по звуку определила, что дерево уже другого вида. Близкого, но другого. Влад оглянулся, она увидела внимательные глаза варвара, словно он как-то понял, что слабая женщина даже в моменты острого страха запоминает, сравнивает, продолжает работу исследователя.

Внизу за краем листа колыхался серый Туман,плыли сгущения, пятна. Кася отвела глаза: высоты не боялась, но побаивалась. Конечно, в Мегамире падение – самое меньшее из зол, даже пальца не сломаешь, хоть брякнись с высоты стоэтажного дома или верхушки мегадерева, но спуститься можно в паутину. Да и на земле вдруг да ждет что-то гадкое, уже разинувшее пасть?

Так же внезапно дим понесся вниз по стене дерева: блестящего, плотного. Частиц водяного пара почти не видно, зато от стены ощутимо веет теплом. Острые когти пробивали кору, однако сколько Кася ни оглядывалась, из крохотных дырочек сок не выступил, а ранки тут же затягивались.

Спустившись к прогретой солнцем каменистой равнине, дим побежал намного резвее. Жгучие лучи прожгли Касю, несмотря на комбинезон, захотелось петть, подпрыгнуть, ухватить дима с седоками на плечо и показать, как надо бегать, но дим быстро нырнул в тень, Кася тут же ощутила, что муравей – страшен, Хоша – гадкий, варвар – грубый, а Семен стал совсем невнимательным, забывает, что они в опасной экспедиции, что первая окончилась трагически, а исход второй сомнителен!

ГЛАВА 13

Они останавливались поесть и отдохнуть еще пятнадцать-двадцать раз: сутки в Мегамире во много раз длиннее, чем в Старом Свете. Вернее, сутки те же, но из-за бешеного метаболизма, когда минута в Старом Свете равняется почти часу здесь, солнце от восхода до заката двигается с той неторопливостью, что вспоминаешь полярные широты.

Кася решалась отходить от места стоянки уже на десяток-другой шагов. Раньше полагала, что все эти страшные звери обязательно должны бросаться на нее, едва увидят... так бы и случилось в Старом Свете, но здесь мир перенаселен, каждый хищник из поколения в поколение охотится только на одну и ту же дичь, другими пренебрегает...

Влад наблюдал за ней краем глаза. С вершины дерева соскользнул солнечный луч. Остальной мир казался тусклым, а этот луч, как светящееся копьё, наискось уперся в землю. В этом луче плавали мелкие существа, исчезали, едва выйдя за пределы светящегося столба, но взамен всплывали другие. Кася шла медленно, задумавшись. Когда ее ноги вступили в яркий круг, она внезапно засветилась изнутри, словно все ее тело стало фонариком с мягким светом. Влад засмотрелся, она вздрогнула, ощутив его пристальный и твердый, как его пальцы, взгляд.

– Что-то случилось?

– Да, – ответил он.

Она встревожилась:

– Что?

– Ты стала еще красивее, – ответил он.

Она запнулась, щеки ее залило горячим. Посмотрела на свои руки, скосила глаза на внезапно разбухшую грудь. Горячая, как кипяток, кровь ударила волной в голову, воспламенила плоть. Кожа горела, словно ошпаренная кипятком.

Сквозь кожу и плоть было видно, как через красноватую дымку. Красный, даже алый, как драгоценный рубин, комок часто схлопывается, качая кровь, видно, как по толстым трубкам от него бегут утолщения.

– Ты... хам! – сказала она дрожащими губами. Ее всю трясло. Она не понимала причины, зябко обхватила себя полупрозрачными руками. – Ты дикарь и хам!

Он рассматривал ее в упор своими огромными бесстыжими глазами. Она чувствовала, что он в самом деле видит ее насквозь, как сердце, печень, всю массу кишок, так и...

Горячая кровь прихлынула к лицу с такой силой, что кожа запылала как в огне. Она смотрела почти с ненавистью, а этот дикарь с удивлением похлопал глазами, сказал непонимающе:

– Что с тобой?

– Ты не должен так смотреть!

– Почему? – не понял он. – Ты очень красивая. Ты... везде красивая.

Она задохнулась от гнева и возмущения. Он все еще рассматривал ее во все глаза, на его лице было недоумение. А Семен, который наблюдал со странным весельем на лице, сказал бодренько:

– Да, она красивая. Именно – красивая. И ничего лишнего!

Кася спросила с негодованием:

– На что вы намекаете, Семен Тарасович?

– Напекаю? – удивился Семен. – Это был еще комплимент!

Владу, которому этот разговор был явно непонятен, сказал нетерпеливо:

– Головастик и Хоша уже отдохнули. И поели. Выступаем!

Снова мчались, мчались, наконец тени начали становиться все гуще, удлинились, а после еще двух привалов вовсе слились в сплошную угольно-черную полосу. Нижние части деревьев

стали темно-зелеными, а верхние, пока что просвечивающие под прямыми лучами, тоже темнели – солнце опускалось.

Воздух оставался прогретым, но Влад все чаще обеспокоенно поглядывал на яркую синь вверху, наконец резко остановил Головастика:

– Заночуем.

– Ночной мороз еще не скоро, – сказал Семен предположительно.

– Я могу двигаться и ночью, – отрубил Влад надменно. – Мы все трое можем двигаться ночью! Но скоро выйдут на охоту бреклы.

Семен было приосанился, когда варвар заявил, что ночью могут двигаться все трое, не сразу понял, что в тройку героев они с Касей не входят. Бреклы – видимо, вечерние звери. Узкая экологическая ниша между знойным днем и холодной ночью, здесь звери должны обитать очень быстрые, нещадные, выходящие из нор внезапно, нападающие бесшумно, убивающие сразу.

Пока ксеркса расседывали, он нетерпеливо дергался, Семен завопил, когда тот наступил на ногу когтистой лапой. Кася держалась в сторонке, наконец ракетную установку сняли, а Головастик вломился в заросли раньше, чем ее накрыли тентом.

Хоша, пока снимали ракетницу, тоже принял хищный вид, подергал всеми шестью лапами, проверяя мускулы, хотя, похоже, собирался охотиться там же, на Головастике.

Влад напился, смочил эпителий. Кася заметила, что особенно старательно он увлажнял сочленения и кожу на сгибах суставов. Она вытащила широкий пакет, а из него выудила такую же по ширине металлическую пластину. Он настороженно смотрел, как она ловко провела кончиками пальцев по самому краю. Металлический квадрат разделился на две скрепленные друг с другом половинки.

Снова ее пальцы постукали, погладили края, там едва заметные значки, темная металлическая поверхность пошла странной рябью. Влад потрясенно видел, как там, словно в ночи, заблестали искорки, похожие на блуждающих светлячков. Очень медленно высветилось яркое окошко, расширилось на весь темный квадрат пластины.

А затем там появилось четкое изображение... той пещеры, в которой Влада принимал на пир Верховный Вождь Станции остроглазый доктор Соколов! Влад застыл, мир перед ним качнулся. Он сам не заметил, как ноги поднесли его ближе. Из-за плеча Каси он смотрел на это чудо, старался ощутить запахи, не мог, затем в глубине пещеры мелькнул ярко-красный комбинезон. Мутное пятно обрело резкость – Соколов приблизился, глубоко сидящие глаза впились в лицо Влада, будто острые шипы.

Кася отодвинулась, сказала звонко:

– Здравствуйте, Иван Иванович!

– И вы тоже, – донесся с экрана нетерпеливый голос Соколова. – Нашли?

– Нет еще, – ответила Кася обиженным тоном. – Просто вы наказали сообщать о каждом шаге...

– Не в буквальном же смысле, – поморщился Соколов. – Как идет поиск?

За его спиной двигались размытые красноватые тени, слышался стук, поднимались клубы пара. Кася начала рассказывать, совершенно не удивляясь, что общается с начальником Станции вот так просто, с помощью двух таких сверхплоских пластин, а Влад потрясенно то поглядывал на ее лицо, то рассматривал Соколова. Видно было, как Верховный Вождь покосился в его сторону, но ничего не сказал. Кася тараторила недолго, по лицу Верховного Вождя было видно, что ему это неинтересно, а когда закончила сбивчивый отчет о разнообразии животных форм, он бросил коротко:

– Идите по расширяющемуся кругу. Наматывайте спираль вокруг Станции. Мы не знаем, в какую сторону они направились. Вероятность, как уже мы подсчитали, что они на расстоянии от трех суток ходьбы до недели.

– Мы уже прошли расстояние, равное двухдневному бегу, – сообщила Кася. – Может быть, пройти еще два-три десятка верст, прежде чем начать поиск?

Соколов сказал резко:

– А вдруг они поселились близко? Вероятность один к двенадцати, но упускать ее нельзя. На карту поставлено слишком многое. Я уже вызвал, как вы знаете, специальную десантную группу. Ее там, в Старом Мире, сейчас снаряжают. Но пока придут, мы обязаны искать своими силами. Не упускайте ничего, что может навести на след!

Кася кивала с несчастным видом, а когда Соколов поднял руку в прощании, с видимым облегчением захлопнула половинки металлической книги. Голоса и шумы Станции разом обрвались. Семен приблизился, сочувственно погладил девушку по плечу:

– Не огорчайся. Его сейчас все теребят. Комиссия за комиссией! А он не администратор – крупнейший генетик, лауреат... Работать не дают. Как еще не бросается на всех, ума не приложу. Я бы не выдержал.

Только сейчас Кася сделала вид, что заметила замершего за ее спиной варвара. Ее слезы, едва начавшие накапливаться в уголках глаз, мгновенно высохли. Она гордо вскинула носик, а голос стал ядовито-вежливым:

– Как наша связь?

Варвар не двинулся, но в лице его Кася читала сильнейшее потрясение. Он поинтересовался охрипшим голосом:

– Это... запахами? Или как-то иначе?

– Как-то иначе, – ответила Кася мстительно.

Варвар чуть сдвинул брови, спросил очень осторожно:

– Если не запахи...

– Ты у нас все знаешь в Лесу... – начала Кася.

Семен крикнул, отвернулся. Кася остановила себя на полуслове, словно поперхнулась, горячая кровь стыда прилила к лицу. Варвар груб, но не виноват, что Соколов ее обидел, уделив для связи лишь две минуты. Соколов не знает, как здесь страшно, иначе нашел бы время подбодрить, поддержать, как делал прежде. Варвар тем более не должен страдать от перепадов ее настроения. Пусть лучше думает, что она – заносчивая и злая, не желает выдавать тайну связи. Это не ранит мужское самолюбие, как если бы пришлось разьяснять устройство радиосвязи ему, человеку каменного века.

– Связь хороша, – выдавил варвар через силу. – Я не знаю животных, которые передавали бы такую четкую картину. Ни запахами, ни стуком, ни вибрацией почвы... Правда, самая четкая система связи у самых глупых и примитивных видов, а я ими никогда особенно не интересовался.

Семен опустил голову, пряча улыбку, отошел. Кася мгновенно вспыхнула, жалость к варвару разом сменилась острой неприязнью. Сравнил с животными! Глупыми! Примитивными!

Варвар, словно ощутив перемену ее настроения, ушел вслед за Семеном. Он, судя по его виду, не чувствовал себя ни глупым, ни примитивным. Явился дим, сладкий сок едва не выплескивался из ушей, а раздувшийся от сытости Хоша не сидел, а лежал между сажками. Варвар с ходу принялся чистить Головастика, тот в свою очередь нашел на нем пятнышко плесени, шершавый язык едва не свалил хозяина с ног. Влад ухватился одной рукой за переднюю лапу, с треском тер миллионорублевым модулем по раздутому абдомену, постучал рукоятью. Могучий, как десантный танк, ксеркс послушно присел. Жесткая щетка с пронзительным скрипом пошла по бокам. Затем варвар продраил соединительные шарниры стебелька, швы на стыках сегментов, защитные пласты кутикулы.

Не пропустил ни клочка на панцире, ксеркс вовсе забалдел, по выражению Семена, – химик иногда употреблял вовсе шокирующие Касю определения, в такие мгновения она не верила, что перед ней доктор химических наук, – сейчас у грозного зверя можно украсть кошелек, обобрать его с головы до ног. Кася подозревала, что, если бы у бедного муравья было что красть, доктор наук и лауреат из непонятной женщинам лихости обязательно попытался бы это сделать.

– Как лижутся, – сказала Кася с отвращением. – Прямо как генсеки прошлых веков.

– Не ревнуй, – обронил Семен.

– Я? – вспыхнула Кася. – Просто смотреть гадко.

– А вдруг у них там эрогенные зоны? Касенька, не подходи с нашими понятиями. И не подползай. Это другой мир. Кстати, замкнутый. Муравьи, если ты знаешь, не могут жить без коллектива. Даже не в состоянии переваривать пищу в одиночку. А этот ксеркс жив! Почему? Подумай. А пока думаешь, просмотри комбинезон. Вон у тебя под коленом присосался подозрительный по виду грибок!

Она сердито отмахнулась:

– Ткань выдержит.

– Ее проверяли на прочность всего лишь в лаборатории! А здесь – джунгли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.